

ВЕРЕН БОГУ, ПРЕДАН РОДИНЕ!

МЫ

В РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЕ

По благословлению Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси Алексия IIОснован в 1938 году в Белграде.
Возобновленное издание

№ 3 (36) май - июнь - 2005

ТЕМА НОМЕРА: БЕДА И ПОБЕДА

Празднование 60-летия победы завершилось. Всё ли сказано? Авторы журнала предлагают еще раз вдумчиво и откровенно поговорить о трудной, трагической судьбе нашего народа в войне.

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО:

Национальная идея и возрождение России

Идея нации как божественный замысел о народе. Может ли стать вера меньшинства основой возрождения страны?

14

РУССКАЯ ГОЛГОФА:

Святая земля на окраине Москвы

Бутовский полигон - история и вечность, место казней тысяч невинных и явление славы Божией в сотнях Новомучеников.

15

ОПЫТ ИСТОРИИ:

Советский Союз – путь к войне

От начала Второй мировой до Великой отечественной. Роль Советского Союза. Факты и оценки.

23

Лишенец, солдат, священник

В год празднования 60-летия победы в Великой Отечественной войне мы особо вспоминаем наших родных и близких, погибших в те годы, защищая родину, и с большим трепетом обращаемся к тем, кто еще жив и может поделиться с нами, молодыми, не видевшими ужас войны и радость победы, своей правдой о войне, своими воспоминаниями, которые так важно сохранить в будущих поколениях.

Из небольшого телевизионного репортажа мы узнали об отце Николае Колосове, который участвовал в Великой Отечественной войне, решили обязательно встретиться с этим удивительным, в чем мы имели счастье убедиться, человеком. Батюшка живет в деревне Пенино в 20 км от Москвы, куда мы и отправились.

Родился батюшка в 1915 году в Московской губернии в семье священника Василия Платоновича Колосова. Семья была большая, семеро детей. Но лишь Николашка, как ласково называл его папа, пошел по пути отца. Еще в четвертом классе на вопрос лучшего друга: «Вырастешь, кем будешь?» – он, не раздумывая, ответил: «Батюшкой». Отец Николай сам говорит, что уже родился верующим. Папа никогда не заставлял маленького Колю ходить в храм, он сам это очень любил.

Продолжение на стр. 3

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Протоиерей Николай Артёмов
(Мюнхен)
Протоиерей Георгий Бреев
(Москва)
Протоиерей Николай Ребиндер
(Париж)
Юрий Константинович Амосов
(Москва - Мельбурн)
Андрей Борисович Зубов
(Москва)
Ростислав Владимирович
Полчанинов (Нью-Йорк)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:****ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

Николай Бобринский

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО
РЕДАКТОРА**

Ирина Зубова

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ
СЕКРЕТАРЬ**

Вадим Сергиенко

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Виктор Аверков
Варвара Артёмова
Ульяна Артёмова
Варфоломей Базанов
Владимир Еременок
Даниил Зубов
Савелий Мартыненко
Любовь Пасякина
Илья Переседов

ВЕРСТКА

А. Моренко

КОРРЕКТОРЫ

О.И. Зубова
Н.В. Пчелинцева
С.В. Высоцкая

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

127051, МОСКВА,
ул. Петровка, 26/2, дом. 96,
(Для журнала «МЫ»)
Тел. (095) 128-50-94,
(095) 925-92-48
Учредители: группа граждан.
Тираж 999 экз.
E-mail: we-journal@rambler.ru

Мнение редакции
может не совпадать
с точкой зрения авторов.

Дорогие друзья!

В ваших руках третий номер возобновленного журнала «МЫ в России и Зарубежье». В этот раз номер посвящён истории непростых и судьбоносных для нашей страны лет. Великая Отечественная война – одно из крупнейших событий и величайших испытаний в судьбе нашего народа. Война – всегда испытание, всегда трагедия, всегда подвиг. Но именно эта последняя большая война стала чем-то особенным в нашей истории. К размышлениям о ней мы возвращаемся вновь и вновь, из года в год. Что притягивает нас к этим нескольким годам жизни России? Чем была война для нашего народа, как вынес он испытание этой войной, в чём была его победа?

Прошло шестьдесят лет, мы узнаём о войне всё больше и больше, видим всё яснее, что великая слава тех лет смешана у нас с великой болью. Смеем ли мы, неопытные молодые люди, рассуждать о событии, которое так много значит для стольких людей, для тех, кто сам прошёл эту войну или потерял в ней родных, друзей? Для них в этих годах несказанных страданий была одна, святая правда – великая жертва во имя спасения родины. Беседуя с немногими, ещё живущими людьми, участниками войны, поражаешься той бесконечной, всепобеждающей вере и надежде, бывшей в их сердцах в годы страшных испытаний. Но теперь, через шестьдесят лет, невозможно не видеть глубокой пропасти между светлыми чаяниями стольких людей и бесчеловечностью правителей.

Нельзя забыть о том, что с 1917 года вплоть до конца сталинского режима продолжалось в России свидетельство Истины кровью. Наша страна – страна тысяч прославленных, и, наверное, десятков, сотен тысяч, миллионов ещё не явленных мучеников за веру Христову, за Правду Божию, за родину – что это значит для нас?

Не может быть понята и осмыслена эта новая великая война отдельно от всего, что ей предшествовало, что шло параллельно с ней, что было после. Нам известно, сколько бед принёс нашему народу тот режим, который господствовал в России в годы второй мировой войны. Можем ли мы, зная это, не задумываясь называть тех, кто, например, вступил тогда в Русскую освободительную армию – изменниками? Как совместить всё: жертвенный подвиг миллионов людей, славу победы над нацизмом с геноцидом, депортациями целых народов, с лагерями смерти для вернувшихся из плена, для бывших под оккупацией?

Мы знаем, что Истина – непреложна. Что только правда, безусловная правда, как бы она ни была нам тяжела, – единственный путь к созиданию. Нельзя бездумно осуждать и бездумно восхвалять кого бы то ни было, не сознавая всей сложности судеб и жизненных обстоятельств. Действия государства и искренние порывы людей нельзя сводить воедино. И советская, и нацистская, и даже союзническая власть так часто превращали жизнь человека в трагедию. Именно в этой трагедии очевидно проявлялось и величие, и падение человека. В каждом таком личном пути – живое свидетельство.

Мы берёмся за эту тему не с гордой убеждённости в своём праве судить, а с трепетом и надеждой на то, что поиск Правды не станет ни для кого из читателей журнала оскорбительной дерзостью. Надеемся, что эти попытки найдут в вас отклик. Только вместе, руководствуясь искренним стремлением не осудить и отвергнуть, но понять, мы, может быть, и придём, по милости Божией, к осознанию того, что произошло шестьдесят лет назад с нашим народом.

Редакция

**Ваши отклики и предложения просим присылать по адресу:
117218, Москва, ул. Новочерёмушкинская дом 26, кв. 419 для «МЫ»
или по e-mail: we-journal@rambler.ru**

**По вопросам распространения просим обращаться
по тел. +7 (095) 128-5094 Виктору или по e-mail: vektir@yandex.ru**

Лишенец, солдат, священник

Коля с ранних лет знал и церковный устав, в 12 лет почти один пел на литургии. Уж очень хорошо у него получалось петь, но папа был строгий, ругал, если где не так ударение поставит, хотел чтобы сын все знал отлично.

До 1931 года Колосовы были лишенцами (т.е. были лишены гражданских прав в силу классовой принадлежности – прим. ред.). Как рассказывает сам отец Николай, их и за людей не считали, хуже скота. Забыв однажды по соседству к дяде Саше, Коля увидел, как тот месит корм свиньям и хлеб туда кладет. «Как же так, дядя Саша хлеб свиньям дает, а нам в лавке даже спичек и керосину не дают?». А про хлеб и крупу и говорить нечего. «Такая власть» - ответила мама на вопрос маленького Коли. Еще не раз будет задавать Коля подобные вопросы.

Николаше с детства хотелось учиться. Когда в четвертом классе учительница спросила: «Кто пойдет в ШКХ (колхозная деревенская молодежная школа)?». Коля тут же поднял руку, на что получил, как обухом по голове, резкое: «А тебя туда не возьмут». Собрав быстро книжки, со слезами на глазах Коля побежал домой. Тут же к папе с вопросом: «Почему не возьмут?» – «Вырастешь – узнаешь». Все Колины надежды окончить 7 классов так и не осуществились.

Сколько еще увидит маленький сына священника. Мальчишкой Коля, спрятавшись за телефонный столб возле железной дороги, видел состав «Максим Горький», к которому телега за телегой везли раскулаченных. У каждого из 75 вагонов с единственным маленьким окошком стоял солдат с винтовкой. Поезд не трогался, пока битком не набьют все вагоны. Мальчик испугано смотрел, как даже беременных женщин пихали в вагоны коленом.

Один только плач матерей и детей был слышен по ночам на дороге, проходящей мимо Колиного дома. Раскулаченных вели на станцию в ссылку. Почти каждую ночь приходили. Тогда понятно стало, для чего почти в каждом доме висит вещь-мешок с сухарями, ложкой и котелком. Приходит Николашка в лес по грибы, посмотрит вокруг, а в голове – одна мысль: «Господи, Господи, ведь не только люди, природа-то вся плачет. Такая хмурая стоит». Когда началась коллективизация, со всех дворов вводили скот в общее стойло. Колина корова Клашка пять раз оттуда убежала. Придет, а у нее слезы, как горошины, из глаз текут. Ведет ее Коля обратно, а она упирается: так не хочет.

Папу Коли как священника пять раз забирали в ссылку, всего 16 лет он там пробыл. И только за то, что он веровал в Бога. Ему говорили: «Отрекитесь, мы Вас сейчас освободим». А он им: «Вы меня хоть сейчас к стенке поставьте, в ссылку отправьте, а этого от меня никогда не получите». Пример отца и многих других исповедников и мучеников российских говорит отцу Николаю об одном: «Все они пострадали, пострадали за веру, за нашу русскую красоту, за народ. Благодаря их стойкости, вере мы, может быть, сейчас наслаждаемся вот этой церковной красотой». Их – в ссылку, в тюрьму, на расстрел, а они все равно не отступали от Господа, до конца оставались его верными детьми.

Огромное желание учиться никогда не покидало Колю, и вот однажды, когда отец в промежутке между

ссылками был дома, Коля сказал: «Папа, я уеду. Я хочу учиться». – «Ну вот, а у меня вся надежда на тебя, ты ведь знаешь, меня часто в отдаленные места отсылают. Ты псаломщик, что-то получаешь, на кого троих ребят и маму больную оставишь?» После этого разговора Коля зашел к себе в комнату, заплакал, помолился перед образом Божьей Матери. «На все воля Божия, никуда не пойду». Так остался Коля в семье за старшего. Пока папа был в ссылке, а старшие братья уехали в Москву, он воспитывал малышей и маме помогал.

В 34 году Николая облачили в стихарь, дали справку штатного псаломщика. Пока папа был в ссылке, Коля продолжал служить в храме псаломщиком, управлял хором. Его, совсем еще мальчишку, в сельсовет вызвал председатель и пригрозил: «Вот пойдешь туда, где отец». А Николай, не теряясь, ответил: «Веселей нам вдвоем там будет». А Колю действительно как-то чуть не забрали, когда в очередной раз «тройка» приходила за отцом, но, видимо, пожалели, уж слишком мал он тогда был.

Но ссылка отца – далеко не единственное, что пришлось пережить семье Николая в те годы. Когда проводили первые районные телефонные столбы, всем из деревни было приказано вырыть по одной яме, а Колиной семье четыре, несмотря на то, что Коле, самому старшему, было всего 15 лет. Так и приходилось рыть эти ямы до кровавых мозолей, ведь если не успеть, папе грозили 4 года прибавить.

Позже, когда семью не стали прописывать, Николай решил идти в Патриархию просить место псаломщика, но куда его ни посылали, отовсюду милиция выгоняла, нигде не хотели прописывать. В Ногинске, где даже сам батюшка просил оставить Николая, местный начальник милиции в ответ на все просьбы прописать псаломщика сказал просто: «Я лучше пропишу самых злейших рецидивистов, чем одного попа». Поэтому молодому Николаю пришлось идти на завод и только через знакомых удалось туда устроиться бригадиром по уборке цехов.

Многое пришлось пережить в самые юные годы Николаю. Он видел, как разрушали ту красоту, то самое дорогое и любимое для него. В детстве он видел, как ребята из его села приходили разбивать храм, в котором служил его отец. Он тогда не мог понять, почему они это делают. Сам отец Николай говорит, что дурное гораздо быстрее прививается, чем доброе. Как раньше говорили: «Самое трудное на свете – Богу молиться и родителей кормить». Ведь нет ничего проще, когда нет никого, нет

ничего, что хочу, то и ворочу. Сколько сил и труда нужно положить, подумать, чтобы вещь какую-нибудь сделать. А они, когда колунами разбивали церковь, совсем и не думали.

Особенно больно было видеть, как сам народ, не власть, закрывает храмы. Как-то Коля случайно забежал на собрание. «Кто за то, чтобы закрыть церковь? Подымите руку». Подняли все, даже те, кто в церковь ходили. «А кто за то, чтобы не закрывать?». Ни одного. «Все боялись, что их за это сошлют или в тюрьму посадят. Да, они ходили в церковь, но, видимо, в душе уже ничего не было, пустое было. А ведь вера не только снаружи должна быть, перекрестился и хорошо. Но мы сотворены Господом Богом не только в теле, но и с душой, и духом», – говорит отец Николай.

Николая как сына священника в армию не брали. В военном билете был лишь вклеен листочек: «По объявлении войны, в первый день явиться в свою часть к 6 часам утра». Так и произошло летом 41 года. Бегом бежал будущий сержант Николай Колосов в Крылатский городок, где находилась воинская часть. Таков был выбор человека, который всю жизнь провел в Церкви, который искренне любит Господа, свой народ, свою родину; человека, который еще в детстве видел, как закрывают и разрушают храмы, как безжалостно раскулачивали его односельчан, как уводили в ссылку его отца.

Первые месяцы войны отец Николая провел на обороне Москвы на аэростат-заграждениях (аэростаты – это дирижабли и воздушные шары, которые мешали немецким летчикам бомбить столицу – *прим. ред.*). А затем в конце 1942 – начале 1943 годов из этого московского отряда сформировали 13-ую зенитную дивизию, резерв главного командования. В этой дивизии сержант Колосов прослужил до конца войны.

Первое задание было в Чекалинском районе Тульской области. Где прорыв, где наступление – там они, всегда на передовой. Задачей дивизии было прикрывать пехоту от ударов с воздуха. Отец Николай вспоминает, как, переправляясь через Оку по понтонным мостам, он видел, что вся вода была кровавая, плыли по течению и раненые и убитые. На другой стороне реки была уже немецкая Орловщина, где шел воздушный и наземный бой. Вокруг один только гул, грохот, стоны раненых и больше ничего. Сержанту казалось, что он и его сослуживцы своими глазами видели ад. «Бой, шум, солдаты кричат: «Мама!». В 43-44 годах стали призывать моло-

деньких ребят. Они только от мамы, никогда еще ничего не видели. А тут такой ад, что невольно закричишь «мама» – с болью вспоминает отец Николай. Как наступление, ребята говорят: «Ведь убьет же». – «Так и эдак убьет. Война же. Мы с тобой не у тещи в гостях – война идет», – отвечает Николай.

В ходе этой операции удалось освободить города Мценск и Болхов – это районные городишки Орловской области. Тогда же 13-ой зенитной дивизии за освобождение города Карачёва присвоили название Гвардейской Карачёвской дивизии. Николай со своей дивизией прошел всю Орловщину, всю восточную и западную Белоруссию.

Отец Николай командовал пулеметным отделением, в котором было 11 человек. Он ласково называл их своими «ребятишками», а себя велел звать не командиром, а просто Колей: ведь в армии он никогда до того не был. Когда нет налета, тихо, в укрытие невозможно было зайти – сплошной мат. Николай никогда не кричал, но был строг. Ему говорили: «Командир, война все спит». Он лишь отвечал: «Неправильно, человек должен во всяких обстоятельствах быть человеком. Война – не война». Ребята даже издеваться стали: «Командир выругается – завтра война кончится». А он: «Она и без моей руготни кончится, а всё равно ругаться не буду и вам не советую». После этого случая солдаты стали даже стесняться. У себя в полку Николай никогда не говорил о вере, но многие догадывались, что он верующий. Однажды один москвич подошел к нему: «Спасибо тебе, может, благодаря тебе мы здесь живы еще».

Отец Николай вспоминает, что, когда нужно было менять огневые точки, из полка лишь звонили, а сержанты брали карту и сами смотрели, где занимать позиции. На передовой никого старше капитана он не видел. В ходе одного из налетов из отряда Николая было убито 5 человек, у одного оторвало полступни. Полк стоял в метрах 500-х и когда все кончилось, прибежал замполит и первые его слова были: «Матчасть цела или нет?». А Николай: «Товарищ майор, горела б она, ваша матчасть! Я вашу матчасть совсем новенькую привезу. А вы даже не спросили, целы ли ребята. Я пять человек похоронил».

На фронте Николая хотели загнать в партию, несколько раз к нему партрук полка подходил: «Сержант, ты почему еще в партию не вступил? Командир должен быть партийным». Несколько раз подходил он к Николаю, пока, наконец, не услышал ответ: «Знаешь что, ми-

ВОПРОС НОМЕРА: Что такое победа?

Мурад Аушев
Калининград, СПбГУ,
Юридический факультет

Для меня победа – это триумф жертв военно-политической агрессии фашистской Германии, которых общие враг и беды сплотили в борьбе за выживание. Это укрепило дружбу народов Земли. Но эта война не победила фашизм. Фашизм внутри каждого из нас. Это война была просто переделом сфер влияния и борьбой за ресурсы. Все банально.

Но что для меня победа?!

Мой дед со стороны отца участвовал в Великой Отечественной, у него была контузия, получил какие-

то медали-грамоты. Еще не окончилась война – его с семьей и всем ингушским народом выслали в Сибирь и Казахстан, по дороге, убив треть моего народа. Вся страна праздновала тот самый первый день победы, а мой народ умирал в заснеженных степях Казахстана. Мой народ обвинили в предательстве и переходе на сторону Гитлера. Немцы и шагу не сделали на нашей земле. Их остановили у Майкопа. Мои земляки водружали знамя над Рейхстагом, а Сталин приказал не награждать медалями героев мой народ.

В 53 г. нас реабилитировали. Мы приехали домой, а половину земель моего народа отдали вместе с их до-

мами и имуществом осетинам. Нам даже не разрешили вернуть имущество и дома.

Мои деды и бабушки со стороны и отца и матери, дома которых находятся под г. Грозным уехали из-за войны в Ингушетию. Моему деду со стороны отца даже умереть не дали спокойно.

В 1994 г. моя семья собиралась переезжать из Казахстана в Грозный, мы купили там квартиру и все такое. Война разрушила все. Теперь я живу в Калининграде-Кенигсберге, на ничейной земле, потому что эту землю завоевали все мы – кто проливал кровь в борьбе с фашистами.

мый мой, больше с вопросом этим ко мне не ходи, я в Бога верую. Не только верую, я люблю Господа. Но я люблю и родину свою, я люблю свой народ, столицу свою – матушку Москву. Шагу не отступлю, погибну, но немца не пущу». – «Молодец» – партрук только пожал руку и больше не приходил. Николай знал, на что идет, да только думал: «Или от своих погибну, или немец убьет – какая разница, ведь война». Одна лишь мысль тогда была: осилить войну, победить немца – и вперед, на Берлин.

Во время боя, налёта над твоей головой летят бомбы одна за одной, а на устах и в мыслях – только одно: «Господи, да будет Воля Твоя». «Каким-то чудом из такого ада вышел, – вспоминает отец Николай. Мысль у меня всегда такая была на фронте: я убит не буду, но буду ранен». В августе 1944 года под Белостоком отряд зенитчиков сержанта Колосова находился на передовых позициях, немецким войскам удалось их засечь, был открыт беглый минометный огонь. Снаряды с машин принести не успели, начался обстрел. Командир дал команду ползти в лес к машинам за снарядами, но никто не шёл: боялись или не слышали от страшного грохота. Николай решил ползти сам. Добравшись до машин, нацепил на себя два ящика со снарядами и притащил их. Но кажется, что этого мало. Вновь звучит команда, и вновь молчание в ответ, ползёт лишь Николай. Когда он возвращался обратно с ящиками, его как будто ошпарило с ног до головы. Первое движение – схватиться за колено правой ноги: в руке лишь кровь. Встать не удастся, но тут капитан, который видел, как Николай таскал снаряды, выкинул из укрытия карабин, чтобы раненый мог на него опереться. Кое-как удалось доползти до укрытия, откуда санитары донесли Николая до машины. Тут же ему доложили, что капитан подает донесение о награждении сержанта Колосова орденом Славы I степени. «Передайте, чтобы дурака не валял, я ведь делал то, что должен каждый», – такими были слова чудом спасшегося Николая.

Дальше – полевой госпиталь, Могилёв и саратовский военный госпиталь, откуда уже в январе 1945 года сержант Николая Колосов был выписан домой.

Последствия боевого ранения еще долго напоминали о себе, осколок так и не удалось вытащить. Ходить пришлось учиться заново, как ребенку. Когда Николай вернулся с войны домой раненым, на костылях, обнялся крепко с мамой и услышал от неё: «А я тут молилась, молилась за тебя». Не зря ведь говорят: «Материнская молитва со дна моря достает». За вечерним чаем Коля рассказал маме, как он пришел на завод, где работал до войны. Там начальник тепло принял его, рад был видеть живым, обещал комнату найти, но Николай решил пойти учиться в семинарию. Так, в грязной шинели и здоровенных ботинках (ведь своей формы не осталось после госпиталя) с двумя костылями Николай пришел в семинарию в Новодевичьем монастыре к ректору профессору о. Сергею Савинскому. Написал заявление о приеме и че-

рез какое-то время получил открытку, где указывалось время вступительных экзаменов. Так сбылась детская мечта Николашки, который всегда хотел учиться. За год семинарист Николай Колосов окончил два курса. С детства Коля кое-что знал, но все равно тяжело было учиться. «Звонок, конец лекции, все разбегаются, кто куда. А я пока подымусь, костыли возьму, до дверей дойду – опять звонок. Но Бог дал, кончил», – с улыбкой вспоминает отец Николай. По окончании семинарии пришло время определяться, куда идти. Николай с радостью принял предложение владыки Макария Можайского, настоятеля храма Ризоположения Господня, что на Донской улице.

В этом храме читал и пел Николай еще до войны, когда работал на заводе. Петь Николай еще с детства умел очень хорошо. На заводе его записали в хор в партию баритонов, а когда учился в семинарии, управлял левым хором. Как свободное время, так он в храм бежит. Тогда открыто нельзя было сказать: «Я пойду в церковь». Так Николай самому близкому другу Васе наказывал: «Как придут брат или сестра, ты им скажи, что я в «свою» пошел». Потом в общежитии Васю многие ребята спрашивали: «Куда он ходит? Что это за «своя»?» – «А он любит один кинотеатр и прозвал его «своя». Вот туда и ходит».

В Петров день 1948 года Николай был рукоположен во священники. Так ровно 50 лет, до 1998 года, прослужил отец Николай в одном своем любимом храме Ризоположения Господня. В 1998 году умирает его супруга, с которой они также познакомились в этом храме, она девчонкой пела там в хоре. Батюшка пишет прошение Святейшему Патриарху: «Прошу в виду моих уже больших годов и болезней уволить меня за штат». Святейший удовлетворил просьбу отца Николая. Но и теперь по праздникам можно увидеть батюшку в храме, где с большим трепетом относятся к нему прихожане. Несмотря на свой довольно уже большой возраст, батюшка никогда никого не оставит без внимания, выслушает и благословит каждого, кто к нему подойдет даже после долгой службы.

«Да любите друг друга» – сказано в Евангелии, – повторял нам батюшка Николай. Отец Николай пронес эту любовь через всю свою жизнь. Сколько пришлось пережить и вытерпеть сыну священника в годы репрессии, какой ужас увидел он на полях сражений в страшные годы войны. Искренняя любовь давала ему силы принять свою судьбу с упованием на Господа.

Чем же была тогда эта война, которая пришлась на долю России и ее народа? «Война - это наказание Божие, – говорит отец Николай. – Вы прочитайте всюду, везде, только за грехи Господь наказывает. Как в старину говорили: «Господь долго терпит, да больно бьет». Когда уже человек совсем пал, ему Господь посылает какое-нибудь испытание. Все же из-за этого, отойдут люди от Господа Бога, Господь предупреждает, а они не слушаются. Даль-

ВОПРОС НОМЕРА: Что такое победа?

Кирилл Пиксендеев
МГИМО, Набережные Челны

Личная победа – результат пре-возможения самого себя, когда в чрезвычайных обстоятельствах человек совершил то, что выше его

сил. Победа на глобальном уровне, как это было в Великой Отечественной войне, есть акт необычайного напряжения всех народных сил. Ценность и критерий победы, с одной стороны, в том, какой ценой она оплачена (уже только по-

этому Великая Отечественная не может быть забыта), а с другой в справедливости такой победы. Справедливость определяется целью, замыслом инициатора войны, а также «вечным» критерием – добра и зла.

ше какая-то кара, как вот у нас. Дошло до того, что храмы стали разбивать – вот тебе война, тут все пошло. Бог ведает, если не было бы вот этого ужаса, может быть, ни одного храма сейчас не было, такая чума была бы».

Как же радостно сейчас отцу Николаю видеть в алтаре 15-16 мальчишек, он говорит: «Из них эту духовность колуном не выбьешь». Ведь до сих пор помнятся слова

председателя сельсовета: «Ты что думаешь, вот к вам старухи ходят, а они помрут, к вам никто не пойдет». Еще в те ранние годы Николай отвечал: «Нас не будет с Вами, наших детей, правнуков, а Церковь будет. Почему я так говорю, потому что это Божие дело. А Божие дело вечно. Господь основал Церковь. Господь Вечный и Церковь вечная, чтобы ни было».

Ульяна Артёмова (Мюнхен)

Путь в безысходность

«Мы тоже сражались за Родину, но иначе – правдивым словом об её большевистской сути. Мы тоже Россию любили, но иную...»

Е. Польская. Это мы, Господи, пред Тобою...

26 мая 2005 г. в австрийском городе Лиенц вновь звучали слова православных песнопений, на месте, где 60 лет тому назад отпевали себя тысячи русских казаков, обманутых англичанами. Духовенство Русской Зарубежной Церкви во главе с митрополитом Лавром и приехавшие со всего мира паломники молились о упокоении душ «приснопамятных православных воинов Державы Российския, старцев, мужей, жен и детей их, в годину лютую в тяжких обстояниях живот свой положивших, коварством на мучения преданных и убиенных». Как там оказались эти люди, «Казачий стан», сформированный из 25 тыс. казаков Дона, Кубани и Терека с жёнами, детьми и стариками? Почему погибли они, потеряв либо жизнь, либо – страшнее ещё – души?

Перед октябрьским переворотом население Всевеликого Войска Донского согласно переписи 1917 г., составляло около 4 миллионов человек, не считая казачье население Кубани, Терека, Сибирских, Семиреченских, Амурских и других казаков в местах их компактного проживания. На 15 марта 1922 г. на Дону осталось лишь около 1,5 млн. человек – в результате исхода Белой армии и репрессий «расказачивания». Расстреляны были все без исключения казаки, занимавшие служебные

Митрополит Лавр на русском кладбище в Лиенце

должности: окружные и станичные атаманы, судьи, урядники, а также все офицеры Донской армии. Уничтожалась казачья элита, включая наиболее зажиточные слои, расстрелу подлежали и рядовые казаки, сопротивлявшиеся установлению Советской власти. Геноцид казаков Дона, Кубани и Терека довершила коллективизация и искусственный голод 1928-1933 годов.

В выживших казачьих семьях жило неприятие сталинского режима.

Оккупация Дона, Кубани и Ставрополя войсками гитлеровского Вермахта многими казаками была расценена как последний шанс с помощью немецких штыков вернуть в их регионы старые, досоветские порядки, т.к. национал-социалисты в начале войны представляли своей главной целью национальное возрождение. На территориях временной немецкой оккупации стали формироваться казачьи части, в станицах и хуторах вновь утвердилась атаманская власть.

Когда же под ударами Красной Армии немецкие захватчики покатались на Запад, вслед за ними, спасаясь от новых репрессий, двинулись и казачьи обозы, с семьями, скарбом, домашним скотом. Казаки уходили не от своей страны, а от правительства, сломавшего и поругавшего их вековые устои.

ВОПРОС НОМЕРА: Что такое победа?

Светлана Высоцкая, МГУ, филологический факультет, Москва.

У слова «победа» раньше было еще одно значение, и значение это – «поражение», «несчастье». Было это так давно, что никому уже не разобраться, какое значение – первоначальное. Да и нужно ли это выяснять? Я знаю одно: язык – мудр, язык знает то, чего подчас не знаем мы. Не знаем или не хотим знать. Это переплетение двух значений, на первый взгляд очень странное, позволило мне кое-что понять. Победа и поражение отличаются куда меньше, чем мы обычно думаем. И то, и другое –

результат борьбы. Борьба началась, когда пришли в столкновение цели двух разных людей, народов, сил души. Борьба закончилась, значит, одна сторона добилась своей цели, а другая – нет. Сторона, не добившаяся своего, уже никогда этой цели не достигнет, но перед ней встают другие цели: восстановить себя, сохранить себя, выжить и идти дальше, к новым целям. Но и сторона-победитель оказывается в похожем положении: цель достигнута, а дальше что? Зияющая пустота, от которой можно избавиться, только найдя новую цель. Значит, и победитель, и проигравший должен сделать выбор, решить, как жить даль-

ше. Конец и новое начало, перекресток и распустье – вот чем оборачивается победа. Тем же, чем и поражение.

Местом дислокации немцы назначили казакам Истрию (северную Югославию и северную Италию), где им пришлось вести бои с титовскими и итальянскими партизанами. Здесь к ним примкнуло множество русских людей всяческих сословий, которые по самым разным причинам оказались за пределами родины. Как издревле велось у казаков, они принимали всех желающих. 30 апреля 1945 г. командующий немецкими войсками Юго-Западного фронта генерал Ретингер подписал приказ о прекращении огня. 2 мая должна была начаться капитуляция германских войск в Италии. В тот же день было решено начать эвакуацию Казачьего стана. 7 мая 1945 г. последние казачьи строевые части (25.000 человек включая стариков, женщин и детей) в тяжелых погодных условиях пересекли через оледенелый альпийский перевал Плёкенпасс итало-австрийскую границу навстречу наступавшим английским войскам.

Англичане приняли капитуляцию Казачьего стана, отказавшись обсуждать дальнейшую судьбу казаков. Казакам была отведена под расквартирование северная часть австрийского города Лиенц. Походный атаман Доманов, генерал Краснов, эмигрант первой волны, и другие многократно объясняли англичанам, почему казаки ушли от сталинской тирании. Казаки требовали, чтобы причины, побудившие их к сотрудничеству с немцами, были тщательно расследованы, и просили политического убежища. Местное британское командование вероломно обещало его предоставить, хотя по Ялтинскому соглашению со Сталиным все советские граждане подлежали выдаче СССР. С охранявшими их лагерь английскими солдатами казаки сдружились и доверяли им, устраивали в их честь праздник с джигитовкой, пели песни... Но случилось то, чего казаки никак не ожидали. 27 мая полторы тысячи казачьих офицеров были увезены в город Виллах якобы на однодневную конференцию – для переговоров с английским командованием. На самом же деле их повезли дальше к зоне советской оккупации в г. Юденбург и там выдали частям Красной Армии. Следует отметить, что среди выдаваемых офицеров 68% советскими гражданами никогда не были, т. к. оказались за границей сразу по окончании гражданской войны. По дороге многие казачьи офицеры при страшных обстоятельствах кончали жизнь самоубийством, стараясь избежать осквернения души подобно мученицам в древние века, избегавшим таким образом осквернения тела римскими солдатами. Сразу после выдачи некоторые были тут же расстреляны.

Оставшиеся в лагере казаки, лишённые руководства, в недоумении ожидали возвращения офицеров. В десять часов утра следующего дня казакам было объявлено, что 1 июня в 7 часов утра начнется репатриация казачьих полков и семей. После этого известия в лагере возникла паника. Было созвано срочное совещание, на котором было решено пассивно сопротивляться. Была объявлена всеобщая голодовка и расклеены плакаты на английском языке: «Лучше смерть здесь, чем отправка в Советский Союз!» Во всех лагерях и станицах были вывешены черные флаги. На лагерных плацах воздвигли полевые алтари, и священники день и ночь исповедовали желающих.

О том, что пережили оставшиеся в Лиенце казаки, жена одного из увезенных на «конференцию» офицеров, пережившая репатриацию и отсидевшая 7 лет в лагерях, пишет:

«Программа сопротивления была несложна и наивна. Всем без исключения: солдатам, «куркулям» и женщинам со всеми детьми следовало образовать вокруг возвышения с алтарём плотный массив и противостоять даже выстрелам, драться с англичанами врукопашную, поднимая им навстречу иконы и детей. Почему-то у простых людей была вера: молящихся нас не посмеют взять насильем.

С первым движением рассвета, 1-го июня, все вышли на огромный плац перед бараками. От барачков через мутную и бурно бегущую Драву (на горной реке в жаркие дни начинался паводок) проложен был деревянный мост, а на другом берегу, в реденьком лесочке, виднелись брочки и привязанные кони, хозяева которых тоже ушли на плац. Взяли с собой еду и пеленки – сопротивление мыслилось долгим».

27 священников с пяти часов утра начали исповедовать и, несмотря на то, что строевые части, стоявшие в цепях и нарядах еще накануне, 31 мая, были исповеданы и причащены своими полковыми священниками, к девяти часам еще не было видно конца идущих на исповедь. Тем не менее, решили начать служить Литургию, 16 священников продолжали исповедовать.

Около 12 часов, во время Причастия многотысячной толпы, послышался железный шум, мощный, нечеловеческий. Это были сотни движущихся пятитонных авто, легких полутонок с пулеметными установками, мотоциклов, бронетанкеток.

«Толпу молящихся качнуло. В середину доползли шопоты: нас окружают танки. Толпа притаила дыхание.

ВОПРОС НОМЕРА: Что такое победа?

**Виктор Аверков,
МГИМО, Пятигорск**

Трудно писать об абстрактной победе.

Однако, несомненно, существует идеальный образ победы – полное исчезновение зла. Но это возможно только при волеизъявлении, выборе всех, до последнего, людей!

Следовательно, если хотя бы несколько «воль» выпадают из общего выбора, то настоящей победы нет!

Чтобы понять, что такое победа, надо посмотреть на причины и истоки противостояния. Кто сражался и с кем? Если сражаются два очевидных зла, как это было на первом эта-

пе Отечественной войны (с 22 июня до зимы 41-42 годов), то кто бы не выиграл, победы не будет.

Соответственно, возникает вопрос о критериях победы, о ценностях победы и о системе координат, в которой мы оцениваем данный конфликт/кризис/противостояние/войну.

А критерии такого грандиозного понятия, как «война», не просто касающегося жизни живущих в данный момент людей, но, порой, определяющего выбор поколений и отвечающего за грехи отцов, могут быть только абсолютными. Поэтому когда идёт война, мы должны полагаться на вечное и забыть и свою национальную, и

патриотическую гордость, и свои секундные интересы. Только тогда возможна победа, максимально близкая к идеалу.

Молчали дети, которым передан ужас матерей. Послышались редкие выстрелы, автоматные очереди. Выстрелов было мало: рядом был город Лиенц. Монастырь. Подлые дела следовало делать с меньшим количеством шума.

Раздались одинокие крики, звуки глухих ударов: «Убивают!». Толпа сжималась. Дышать становилось нечем. Дети закричали. Их на вытянутых руках поднимают над «ходынкой». Дети постарше, сидящие на плечах у взрослых, рассказывают, что делается на периферии толпы: «Хватают... Бросают в машины лежа... Бьют палками... (это были резиновые дубинки). Уже мертвые на поле лежат...» А танки все туже сжимали толпу. Вслед за духовенством запели все – несколько тысяч. Затрещали падающие аналои. К периферии толпы, навстречу танкам стали пробиваться священники, поднимая перед собою кресты. Где-то хор запел: «Со святыми упокой!» Шелест во все сжимавшейся толпе. «Это нас отпевают!». А потом атаман приказал: женщины с детьми пусть идут по баракам. Пробираются заплаканные, дрожащие...

Сразу поредела толпа, и стало видно, как рассыпался плотно стоявший лес хоругвий, упавшие на землю иконы с разбившимися стеклами, а в «просеки» на периферии – кольцо окруживших нас плотной стеною солдат в хаки и беретах, вооруженных резиновыми дубинками и просто поясными ремнями, пряжками которых они били наших по головам. Видно было, как сновали по полю солдаты в хаки и беретах с носилками: трупы мешали дальнейшему избиению. (...)

На мосту через Драву толпились люди в хаки, некоторые почему-то, скинув сапоги, бросались в реку. Подошла поближе. Господи! Река буквально кипела от всплесков, криков, вздымающихся рук, крутящихся в пенных водоворотках тел и голов, быстрым течением уносимых вниз. Это были казаки. (Хаки плыли за ними, вытаскивая уже захлебнувшихся, и складывали на бережку, не приводя в чувства). А за рекой не менее ужасное. Там – опушка зеленого массива, спускавшегося с горных склонов. «Какие странные узловатые деревья», – подумала я при беглом взгляде: стволы были точно двойные, неровные будто. Но, присмотревшись, оледенела: это были повесившиеся на ветвях люди, висевшие параллельно стволам.

Ужаснувшись картине этого массового самоубийства, я снова оборачиваюсь к плацу. На нем уже не столь большая толпа плотно сомкнувшихся людей в зеленом. Люди в хаки отрывают от этой толпы сопротивляющиеся «куски», дробя головы дубинками, выворачивая суставы рук сцепившихся в одну массу людей. Полная тишина на плаце – ведь недалеко от города, Европа ничего не должна знать. Только хруст костей, редкие вскрики, шум реки.

Повсюду по полю снуют пары солдат с носилками. На них – трупы. Мелькнула на носилках неподвижная фигура священника в облачении. Еще один на земле поодаль. В его вытянутых перед собою руках намертво зажат крест. Пробегаю мимо каких-то с краю стоящих барачных, они набиты трупами. Повсюду разбросаны иконы, разбитые аналои, растерзанные хоругви и мертвые. Раненых не видно. Подбирали ли их быстро или действовали сразу насмерть? (...)

Конечно, акцией выдачи политических эмигрантов Союзу руководили англичане, на чьей территории мы оказались, и чей «сэр» обещал наши тела, даже в трупах по счету, нашему «сэру» еще на Ялтинской конференции. Но, безусловно, именно советская сторона разработала привычно бесчеловеческий способ репатриации, безразборной, кто есть кто, в торопливости чрезвычайной, пока союзники ничего еще не могли в этой «каше» понять».

Из 25 тысяч казаков, находившихся в эти дни в Лиенце, спаслись лишь две тысячи. Остальные либо погибли в эти самые дни, либо были насильственно репатрированы в Советский Союз, где попали в лагерь, либо пропали без вести...

И вот, когда в этом году на казачьем кладбище собрались православные верующие, среди них и несколько потомков чудом выживших казаков, владыка Лавр обратился к ним с коротким словом. Он вспомнил, как сам 60 лет тому назад находился в Германии, как поначалу не понимали союзники нежелания русских людей возвращаться в «так называемый Советский Союз» на верную погибель. Он выразил свою боль о том, что и в наши дни, когда весь мир отмечает 60-летие конца войны, не понимает русский народ той своей части, которая свою любовь к родине проявила иначе – неприятием режима – и не вспоминает о её трагичной судьбе в дни всеобщего ликования.

Владимир Еременок (МГИМО, Белгород)

Они живы, пока мы о них помним

«Учитесь, почитайте родителей, не забывайте нас, бывших солдат, берегите наши могилы и не пачкайте нашу память грязными поступками...»

В. П. Астафьев, «Духовное завещание»

8 мая Европа отмечала 60-летие освобождения от фашизма. В преддверии этой даты в Саксонии, недалеко от городка Ризы, тоже вспоминали о событиях 60-летней давности – освобождении 23 апреля 1945 года лагеря для военнопленных «Цайтхайн».

История лагеря, как и история войны, полна боли, страданий и страшной правды. Перед нападением на Советский Союз Верховное командование Вермахта приказало соорудить 60 новых лагерей исключительно для размещения в них советских военнопленных. Каждый из этих лагерей в конечном итоге должен был быть при-

нять 30000 пленных. В то время как большинство новых лагерей строили на оккупированных территориях Польши и Советского Союза, 14 лагерям выделили место в самой Германии. Одно из этих мест находилось на территории полигона Цайтхайн, где в апреле 1941 года начались строительные работы в непосредственной близости к вокзалу Якобсталь. В июле 1941 года сюда доставили первых советских военнопленных. После регистрации, медицинского обследования и гигиенической обработки они в начале были размещены под открытым небом. Территория была окружена лишь забором из двой-

ной колючей проволоки. Не было ни барачных, ни палаточных для размещения пленных. Защищаясь от непогоды, военнопленные вначале выкапывали себе землянки. Строительство жилых бараков, латрин, кухонь и колодцев началось лишь тогда, когда для этого в распоряжении лагерных начальников стало достаточно военнопленных. Нехватка колодцев и вытекающая из этого нехватка воды заставляла пленных пить во-

Ф.М. Маркелов (второй слева)

ду из луж. Эти условия способствовали распространению дизентерии, брюшного и сыпного тифа. С декабря 1941 по март 1942 годов из-за эпидемии лагерь находился под карантинном. При этом, если до начала карантина в лагере находилось 10677 пленных, то после его снятия в апреле 1942 года их осталось лишь 3729. В лагерь во время карантина никто не поступал...

После летнего наступления немцев в 1942 году (операция «Синий») в Цайтхайн прибыли несколько десятков тысяч советских военнопленных. Среди них был и Фёдор Матвеевич Маркелов, скончавшийся здесь 19 февраля 1943 года. Рассказать о трагической судьбе этого солдата можно сегодня благодаря усилиям его правнучки Оксаны Евгеньевны Ореховой, которая 2 года назад начала поиски своего пропавшего в войну прадеда и прошла через них весь его скорбный путь.

До сравнительно недавнего времени Оксане Ореховой было известно лишь то, что её прадед родился в 1891 году под Мценском, что на Орловщине. В 20-ые годы он работал фельдшером в больнице и вёл домашнее хозяйство, пока его не раскулачили в 1933 году, оставив без средств к существованию всю семью: его, жену, сына и трех дочерей. Вскоре по совету дяди, который работал в Москве юристом, он с семьей перебрался в столицу и покорно до самой войны работал дворником на улице Солянка, дом 1.

Как только началась война, он, будучи человеком непризывного возраста, сразу записался в ополченцы и ушёл на фронт. Таков был выбор человека, у которого советская власть отобрала всё в 1933 году, а в 1941 призвала защищать «советскую родину». За неё ли он ушёл биться с врагом? Не думаю. Не «страну советов» пошёл защищать этот русский человек, а своё Отечество, и не столько уже для себя, сколько для своих четверых детей, дорастить которых ему уже было не суждено.

С осени 1941 года никаких новостей семья о Маркелове больше не получала. Так продолжалось до 1947 года, когда произошла следующая история. Осенью того года к жене Маркелова Евдокии пришел пожилой незнакомец. Наверное, он ей представился, но имени его супруга Фёдора Матвеевича, к сожалению, не запомнила. Только после рассказа этого человека она на следующий день поседела...

Пришедший незнакомец рассказал, что он был взят в плен вместе с Маркеловым под Ленинградом и позже находился с ним в одном лагере. Фёдор Матвеевич был болен, *его мучили боли в животе, от которых он и скончался*. Зная, что не сможет выжить, он попросил жившего с ним в одном бараке военнопленного найти в Москве семью Маркеловых и рассказать супруге Евдокии обо всём, что с ним случилось, конечно, если этот человек

выживет сам... И он выжил и сдержал данное Маркелову обещание, хотя его мучения после освобождения из лагеря не закончились. Сталинское клеймо «предателя – врага народа» продолжало преследовать его, как и всех других бывших военнопленных, даже после освобождения из немецкого плена. Выжив в плену врага иноземного, он прошел через плен внутренний – фильтрационные лагеря.

Подробностей этой истории супруга Фёдора Матвеевича уже своим детям и внукам не рассказывала: ни имени поведавшего её человека, ни названия лагеря. Забыла ли она их или просто молчала все годы, дабы не подвергать жизни оставшихся у неё детей опасности?..

Так, зная лишь эти немногие факты, начала спустя 60 лет правнучка Фёдора Маркелова свои поиски. Получив образование журналиста-международника и будучи преподавателем немецкого(!) языка в МГИМО, Оксана Орехова начала посылать запросы в архивы Москвы и Санкт-Петербурга, изучать всевозможные доступные источники в интернете и встречаться с теми, кто профессионально занимается поисками пропавших военнопленных. Архивы присылали отписки, что никаких сведений о Маркелове у них нет, в частности два ответа подобного содержания пришли из Центрального архива Министерства Обороны в Подольске. Вскоре Оксане согласился помочь один молодой «поисковик», который на второй день(!!!) поисков в вышеназванном архиве нашёл личную карточку Маркелова.

Оксана узнала, что её прадед был взят в плен под Вязьмой 12 октября 1941 года после окружения немцами в августе – сентябре того же года 41-го стрелкового корпуса Лужской (Южной) оперативной группы Ленинградского фронта, в один из санитарных батальонов которого он попал как фельдшер. Какое-то время он содержался в пересылочном лагере города Луга на Лысой горе, затем следовал обязательный карантин в одном из лагерей Польши. В августе 1942 года он прибыл в Stalag 304 в Цайтхайн, откуда был направлен на работу в лазарет Stalag IV В под Мюльбергом. В нём Маркелов заразился или просто заболел от жутких условий содержания, после чего был отправлен обратно в лагерь для умирающих в Цайтхайне. Этот лагерь к февралю 1943 года служил уже не просто филиалом лагеря в Мюльберге, а исключительно лазаретом. Здесь Федор Матвеевич и скончался от болезни 19 февраля 1943 года, не дожив два года и два месяца до освобождения Цайтхайна 23 апреля 1945 года.

В интернете Оксана нашла 3 фотографии, на которых были сняты советские военнопленные. На одной из них внимание Оксаны сразу привлекло лицо одного солдата, очень напоминающее ей черты лица своей бабушки Нины, дочери Фёдора Матвеевича. Она показала этот снимок двум живым дочерям Маркелова, Нине Фёдоровне и Зое Фёдоровне, после чего уже не оставалось сомнений, что на фотографии, сделанной, вероятно, в августе 1942 года в лагере под Мюльбергом, изображён её прадед – Фёдор Матвеевич Маркелов.

7 апреля 2005 года Оксана Орехова приехала в Цайтхайн. Теперь она знает, что здесь в братской могиле по-

хоронен её прадед. Где именно – пока неизвестно. Хотя в лагере и велась документация о том, кто из военнопленных и где именно похоронен, все планы и схемы захоронений после освобождения лагеря 23 апреля 1945 года были изъяты и перевезены в архивы СССР. Советское руководство приняло решение оставить имена погибших военнопленных неизвестными. Отголоски этого решения слышны по сей день... Кроме того, об отношении к захоронениям советских военнопленных со стороны руководства СССР говорит ещё один страшный факт. После 1945 года было решено дальше использовать полигон Цайтхайн для военных нужд Красной Армии. Для этого кладбище советских военнопленных было выравнено, так что вплоть до 1990 года родственники жертв не имели к нему доступа. Было сделано всё, чтобы предать их имена забвению...

Однако пример Оксаны Евгеньевны Ореховой говорит нам о том, что даже спустя десятилетия потомки *могут и должны* помнить своих предков.

После того как Оксана Евгеньевна вернулась из Цайтхайна, я спросил её, почему она сделала всё это, несмотря на те трудности, которые возникали при поисках (одна переписка с архивами и отказами из них насчитывает две толстых папки). «Не знаю, - сперва ответила она. – Потому что Бог вёл – с самого начала, наверное, когда я ещё и не думала приступать к активным поискам. Я понимаю, что ничем, кроме молитвенного поминовения и незабвения уже не могу помочь Фёдору Матвеевичу, но я могу кое-что сделать для того, чтобы его имя не было забыто, а душа нашла успокоение». Для этого она незадолго до своей поездки в Саксонию связалась с протоиереем Георгием Давыдовым, настоятелем русского православного храма преподобного Симеона Дивногорца в Дрездене. Оксана

Евгеньевна обратилась к Его Высокопреподобию с просьбой освятить место захоронения русских военнопленных, которое, как утверждают местные историки, за 60 лет после освобождения лагеря никто из священнослужителей не посещал. Отец Георгий откликнулся на эту просьбу. 7 апреля 2005 года, на Благовещение, он освятил Русское кладбище в Цайтхайне, где в братской могиле похоронены более 8000 солдат.

Приезду Оксаны Ореховой в Саксонию было посвящено несколько статей в «Саксонской газете». Немцев удивило, как достойно и мужественно держится эта русская женщина. Они молча стояли в стороне, наблюдая за тем, как она возлагала землю, с могилы своей прабабушки Евдокии, и набирала в пакет землю с Русского кладбища в Цайтхайне, чтобы возложить её уже на могилу супруги Фёдора Матвеевича в Москве. «Как только немецкая сторона получит план Русского кладбища с подробным указанием мест захоронений каждого солдата, я дожусь эксгумации останков прадеда и перевезу его к жене, моей прабабушке, на могилу, чтобы они были вместе, – заявила Оксана Евгеньевна. – Это мой долг, и надеюсь, что при моей жизни мне доведётся его исполнить.»

Прошло уже 60 лет, как окончилась вторая мировая война. За эти годы многое в нашем мире изменилось. Меняемся и мы сами. Многие из нас пытаются сейчас с Божией помощью осознать нашу общую историю, порой очень страшную и нами же поправленную – исправить то, что ещё можно исправить, и не допустить повторения страшных деяний в будущем. Сегодня мы, как никогда раньше, все вместе и каждый в отдельности, должны направить свою волю и решимость к правильному действию, честно памятуя о горестях и поражениях нашего народа, о его радостях и победах.

Николай Бобринский (МГИМО, Москва)

Трагедия победы

Необыкновенно сложно говорить и писать о войне. Наверное, потому, что это событие всем нам очень родное, мы ему причастны через наших близких, которые участвовали в войне, через сознание единения наших ближайших предков в общем кровавом деле, через наше воспитание. Война и победа – это и общее, касающееся всех дело, и почти всегда личное или семейное. Потому сила переживания войны даже в нашем, уже далеко от нее поколении очень велика. Это и осознание освобождения от великого бедствия, память о жертве предков и благодарность за нее, и ощущение гордости за свою страну и государство, которое смогло победить столь могущественного врага и показать себя всему миру. Пожалуй, к войне как ни к какому другому событию у всех сохраняется безоговорочное уважение.

Мне близко это отношение, и поэтому хочется снова и снова возвращаться к событиям шестидесятилетней давности. Война представляется сложнейшим испытанием нашего народа. Оно – не только в тяжести бедствий и жертв. Это было и раньше: военные потери вполне сопоставимы с числом погибших в Гражданской войне, во время коллективизации и репрессий. Но никогда еще положение нашего народа и каждого человека в отдельности не было таким безвыходным, трагичным.

22 июня 1941 г. на нашу страну напал страшный враг. Его цели теперь известны нам. Оккупация России, лишение ее народа государственной независимости, час-

точное уничтожение населения, превращение остальных в рабов, колонизация территории. Маловероятно, что простые советские граждане знали положения нацистской расовой теории или плана «Ост», но уже одно нападение врага должно было вызвать естественную реакцию – желание защищать родину.

Но в это время над Россией властвовали те, которых многие наши соотечественники могли назвать врагами. Не так важно, ставили ли властители России задачи, подобные восточным планам нацистов, или нет. Результаты их деятельности мало отличаются от вражеской агрессии. Миллионы жертв раскулачивания, голода, репрессий, лишение всякой собственности большей части населения, борьба с религией, жесткий контроль над общественной и частной жизнью – такова лишь часть плодов советского господства. Об антагонизме народа и власти свидетельствуют, например, результаты «запрещенной» переписи 1937 г. Тогда более половины граждан Союза открыто заявили о своей религиозности и тем самым противопоставили себя богоборческому государству, которое целенаправленно подавляло религию.

22 июня 1941 г. многие и многие наши соотечественники пошли воевать. Униженные и оскорбленные своей властью, лишенные имущества, достоинства и свободы совести, они, тем не менее, без колебания шли в бой. Объяснить этот порыв, это необыкновенное стремление к свободе в поработанной стране, отголоски которого

доносятся и до нашего поколения, мне сложно. За что думали воевать те, кто 22 июня без повестки прибыл в военкомат? На что надеялись во время войны, за что умирали? Только они сами могут на это ответить. Мы же можем судить лишь о внешних проявлениях устремлений этих людей.

«За Родину, за Сталина!» Сейчас принято считать, что этот лозунг во время войны не был популярен среди простых солдат. Тем не менее, эти слова точно отражают объективный смысл событий 1941 – 45 гг. Общая цель Великой Отечественной войны – победа над внешним врагом и освобождение от иностранного господства. В силу «тотального» характера борьбы и бескомпромиссных целей противника тогда решался не только исход одной войны, но и судьба российского народа. И народ большей частью ответил на этот вызов. Всеобщее участие в войне против Германии и победа в ней свидетельствуют о выборе многих людей – бороться против внешней угрозы за освобождение.

Но также очевидно, что война и победа, вне зависимости от мотивов и целей людей, способствовали укреплению советской власти. Под знаменами этой власти народ России выступил против врага, под ее руководством воевал и победил. Солдаты выполняли приказы именно этой власти, её представителям подчинялись. Люди были во время войны втянуты в гигантский военно-государственный механизм, пошли на это ради борьбы за спасение родины. В совместной борьбе и пролитии крови народ и государство оказались связанными. Это было сотрудничество в общем деле, а сотрудничество связывает и объединяет. Таким образом, во время войны произошло, пускай и невольное, но признание народом авторитета, легитимности власти большевиков через сознательное подчинение их руководству. Победа скрепила этот союз. Она же стала потом и вплоть до наших дней единственным почти неоспоримым оправданием советского режима.

Сотрудничество и соединение с коммунистической властью стали трагическим следствием Великой Отечественной войны и победы в ней. Не берусь утверждать, привело ли это к еще большему закреплению народа или нет. Но в целом положение не изменилось: большевистская диктатура до, после и во время войны подавляла и уничтожала народ России. С началом военных действий лагеря никто не распускал, напротив, продолжались аресты и расстрелы. Появились и новые средства подавления – заградительные отряды, штрафные батальоны (туда отправляли многих заключенных лагерей). Беспрецедентно высокие потери нашей страны нельзя прямо связать с политикой власти. Они были вызваны необыкновенно жестоким характером войны, нацистским террором на оккупированных территориях и относительной технической слабостью советских вооруженных сил. И все же масштаб потерь косвенно свидетельствует об отношении командования к жизни подчиненных. Это замечал и противник. Например, один немецкий солдат так описал советскую контратаку под Киевом в 1941 г.: «С расстояния в 600 метров мы открыли огонь, и целые отделения в первой волне наступающих повалились на землю... Уцелевшие одиночки тупо шли вперед. Это было жутко, невероятно, бесчеловечно... Первые три волны были уничтожены нашим огнём... Натиск четвертой волны был более медленный: люди прокладывали путь по ковру трупов». Такая картина напоминает массовое жертвоприношение.

Победа, которая дала народу России свободу от внешнего врага, не принесла, однако, освобождения от

репрессий внутри страны. Сотни тысяч советских солдат из немецкого плена сразу попали в фильтрационные лагеря. Многие из них затем оказались в ГУЛАГе, ссылке. Государство еще во время войны объявило их предателями, теперь они должны были доказать, что попали в плен невольно. На рубеже 40-х – 50-х годов снова усилился террор...

Не думаю, что нужно снова перечислять общеизвестные факты. Число жертв советской власти позволяет называть ее врагом. И народ России в Великой Отечественной войне от этого врага освободиться не смог.

Пожалуй, судьба Церкви – самый наглядный пример этой продолжающейся несвободы во время и после войны. Считается, что именно война принесла Церкви если не освобождение, то значительные послабления со стороны советской власти. Однако вплоть до 1943 года существенных изменений в церковной политике государства не произошло. Продолжались расстрелы священнослужителей (последние Новомученики пострадали в 1943 г.), храмы оставались закрытыми. Между тем, на оккупированных территориях к этому времени было открыто около 10.000 храмов. Именно развитие церковной жизни в западных областях и стало одной из главных причин изменения отношения советского правительства к Церкви. 4 сентября 1943 г. произошла известная встреча митрополита Сергия (Страгородского) со Сталиным. После этого Московская Патриархия получила юридическое признание, было открыто около 1200 храмов, началось возрождение монастырской жизни и духовного образования. Но уже с 1947 г. этот процесс «либерализации» прекратился. Церкви снова стали закрывать, продолжались и репрессии против духовенства. После короткой передышки в начале «оттепели» гонения при Хрущеве продолжились. Вплоть до 1988 г. Церковь оставалась в плену у атеистического государства, которое в разных формах контролировало и подавляло ее. Та же судьба была и у всего нашего народа.

Снова хочется повторить сказанное сначала – тяжело и сложно писать о войне. Подвиг и жертва нашего народа беспримерны. Четыре долгих года все силы миллионов людей были напряжены, направлены к одной цели – к победе. И вот она пришла. Но что такое победа? Мне кажется, главное в ней – освобождение. А 9 мая 1945 года полного освобождения не произошло. Внешний враг был повержен, но внутренний – только укрепился. Боролись за родину, но невольно помогали Сталину. Ценой победы, вместе с многими миллионами погибших, искалеченных, умерших от голода и болезней и оставшихся без крова людей стало усиление Сталина и его режима.

Какой же смысл тогда в жертве нашего народа в этой войне? Кому и за что она было принесена, если усилия стольких людей оказались недостаточными для полной победы? Дай Бог нам это понять. Очевидно только, что тот, кто искренно стремился к освобождению своего народа, кто шел на смерть ради ближних и желал правды, не зря проливал кровь. Эта личная жертва не может остаться без воздаяния и послужит оправданию тех, кто был в ней чист и бескорыстен. По каким-то причинам её не хватило для полного спасения народа. Однако печальный итог войны не умаляет подвига многих и многих наших соотечественников и родственников – подвиг стремления к свободе. Он остался незавершенным 60 лет назад, но, быть может, теперь, молитвами Новомучеников Российских и тех неявленных нам мучеников, которые положили душу за своих ближних на полях войны, мы исполним его до конца.

Белая Роза

В день 60-ти летия конца Второй мировой войны на Мюнхенском кладбище «Перлахер Форст» собрались представители 12 народов и вместе с премьер-министром Баварии, чтобы почтить память похороненных там людей: военнопленных, вывезенных на принудительные работы, умерших вдали от родины, павших жертвами национал-социализма. Прошли и к могилам участников «Белой Розы», немецких студентов, восставших против Гитлера. Они желали конца второй мировой войны и не дожили до него... Не дожили, потому что боролись за истину и за свободу совести в стране, угнетаемой богоборческим режимом. Острее всего это чувствовал Александр Шморель ибо он болел душой не только за Германию, но и за воевавшую с ней Россию, которая находилась под не менее страшным игом большевизма. Как личную трагедию переживал он тот факт, что народы этих двух стран уничтожают друг друга. О нём и о его друзьях, которые предпочли умереть, лишь бы не идти против своей совести, и узнает читатель этой статьи.

«Белая Роза» не была организацией в полном смысле слова, – создать организацию в те времена было вообще невозможно, – она представляла собой группу единомышленников, которых связывала личная дружба и готовность сопротивляться режиму.

16 сентября 1917 года в городе Оренбурге у врача Хуго Шмореля и его супруги Наталии Петровны Введенской, дочери православного священника, рождается сын. Крестят его в православие с именем Александр. Шурику всего лишь год, когда Наталья Петровна умирает от тифа, и отец находит ему няню, Феодосию Константиновну Лапшину, а спустя два года женится на оренбуржанке немецкого происхождения, как и он сам. Во время гражданской войны семья Шморелей покидает Россию и поселяется в Мюнхене, столице Баварии. С ними едет няня Феодосия, превратившаяся по документам в их родственницу, Франциску Шморель. Она и воспитывает Шурика в православной вере, так как остальные члены семьи, включая младших братика Эриха и сестричку Наташу, католики. Александр же посещает уроки Закона Божия при русском православном приходе святителя Николая, а на уроках религии, обязательных в баварских школах, отказывается совершать крестное знамение по-католически, несмотря на строгие замечания учителя. Еще в школе, реальной гимназии, он дружится с Кристофом Пробстом, который начинает интересоваться русской литературой и изучает русский язык.

После окончания гимназии в 1937 году он вступает в рабочие отряды. Тогда он начинает понимать, что увлекшая его, как и большинство его сверстников, идея народного возрождения в том виде, который предлагают национал-социалисты, неприемлема. Тем не менее, он еще два года вынужден оставаться в армии, где внутренне

Александр Шморель

страдает от насилия над человеческой личностью. Ради возможности уйти в отставку Шурик поступает на медицинский факультет сперва в Гамбурге, потом в Мюнхене.

В университете он знакомится с Хансом Шолем, который, как и он, убедился в несовместимости нацистской идеологии с развитием свободной души, духа и совести. Между ними завязывается тесная дружба, к которой примыкает и Кристоф Пробст. Дружья увлекаются самыми разными видами искусства – рисованием, скульптурой, музыкой, поэзией. Читают и обсуждают книги религиозно-философского содержания. Круг единомышленников постоянно расширяется. С кем-то

Алекс, как его называют немецкие друзья, знакомится в художественной студии, кого-то они встречают на концертах. Одним из таких знакомых становится профессор Курт Хубер, известный своими критическими высказываниями в адрес режима. Все больше общаются и с Вилли Графом, также студентом медицины, который серьезно занимается музыкой. И если в своем кругу эти молодые люди находят отдушину от угнетающей атмосферы войны и диктатуры, то вместе с тем растет чувство необходимости действовать. Действовать против внешнего разрушения страны безумной войной, и внутреннего разложения ума и совести в людях. Когда Ханс Шоль находит в своем почтовом ящике листовку с проповедью католического епископа, открыто выступающего против нацистов, у него рождается идея именно листовками призывать людей к сопротивлению. Зная, на какое опасное дело они идут, Ханс с Александром не сразу привлекают к нему друзей. Особенно опасаются они за Кристофа, у которого к тому времени уже жена и двое детей.

«Самое недостойное для культурного народа – это без сопротивления позволить управлять собою клике безответственных властителей, преданных темным страстям...» – так начинается первая листовка. Ее рассылают по почте наугад или же просто бросают в почтовые ящики. Когда некоторые экземпляры попадают в руки друзьям, те по стилю листовок быстро догадываются, кто их авторы. Вилли активно подключается к производству листовок, которые печатают на пишущей машинке и размножают на ротаторах, купленных Александром. Помогать хочет и младшая сестра Ханса, Софи. Весной 1942 года, поступив в Мюнхенский университет на биологию и философию, и поселившись у брата, она быстро осваивается в кругу его друзей и становится одним из самых активных членов «Белой Розы». 27 июля 1942 года она пишет подруге: «Ханс на прошлой неделе попал в Россию со всеми остальными, которые в течение прошедших недель и месяцев стали мне друзьями». До отъезда студентов-медиков на восточный фронт они составили и распространили еще три листовки, в которых сопротивление называют

«святейшим долгом всякого немца». «...Своим апатичным отношением к этим темным личностям ты даешь им возможность так действовать, ты терпишь это «правительство», которое несет такую безмерную вину, да ты же и сам виноват, что оно вообще могло возникнуть!...» – пишут они во второй листовке. В последней разосланной до отправления на фронт листовке особенно ярко выступает христианский настрой студентов: «Может ли быть, так спрошу у тебя, тебя – христианина, может ли присутствовать в этом поединке за сохранение твоих высших ценностей какая бы то ни было нерешительность, игра интриг, оттягивание решения с надеждой, что кто-нибудь другой за тебя поднимет оружие, чтобы тебя защитить? Не дал ли Сам Бог тебе силу и мужество для борьбы? ...» (4-я листовка).

Для Александра поездка в Россию означает встречу с любимой родиной, которую он покинул в трехлетнем возрасте. Теперь он открывает Россию и своим друзьям Хансу, Вилли и Хуберту Фуртвенглеру. Вилли пишет об этом в письме 29 августа 1942: «...Один из нас, тоже медик, прекрасно говорит по-русски, так как он родился здесь (...) Он впервые с тех пор видит эту страну, да и мне открывается многое, что было до того неизвестно или по меньшей мере непонятно. Часто он рассказывает нам о русской литературе, с местными жителями у нас совсем другие отношения, чем если бы мы не могли объясняться. Уже часто мы пели с крестьянами и слушали их чудесные, старинные песни. При этом немного забывается все грустное, что часто приходится видеть».

После трехмесячного пребывания на фронте студенты возвращаются в Мюнхен. Они расширяют поле деятельности, устанавливают контакты с подпольными организациями в других городах Германии. После поражения немецких войск под Сталинградом восстание народа и свержение гитлеровской «шайки» им кажется настолько реальным, что они продумывают политическую концепцию для свободной Германии. Помимо распространения по всей стране пятой листовки, «Воззвания ко всем немцам», Александр, Вилли и Ханс под покровом ночи рисуют огромные пароли на стенах университета и на асфальте проходящей перед зданием широкой улицы:

«Гитлер массовый убийца! – Долой Гитлера! – Свобода! Свобода! Свобода!»

На 18 февраля 1943 года готовится акция, которой суждено будет стать последней. «Студентки! Студенты! На нас смотрит немецкий народ! От нас ожидает он, как в 1813 разрушения наполеоновского, так в 1943 разрушения национал-социалистического террора могуществом духа». Это слова из листовки, которую Ханс собирается разложить по всему зданию университета. С ним хочет пойти Кристоф Пробст, но двадцатидвухлетняя Софи настаивает на том, чтобы самой помочь брату. Она хочет таким образом избавить друга от лишнего риска, так как жена его в эти дни ожидает третьего ребенка. 18 февраля, когда Ханс и Софи Шоль пытаются выбежать из здания, где разбросали листовки, университет оказывается оцепленным. Их хватают и увозят в тюрьму. 22 февраля их приговаривают к смертной казни гильотиной, вместе с Пробстом, которого взяли днем позже. «Мои любимые родители!», пишет в этот день Ханс, «я полон сил и спокойствия. Приму еще Святые Тайны и блаженно отойду. Дам еще прочитать

себе 90 псалом. Благодарю вас, что вы мне подарили столь богатую жизнь...»

Через два дня после казни друзей дворник выдаёт спрятавшегося в бомбоубежище Александра. Уже несколько дней его фотографию печатали в газетах, его разыскивали, как уголовного. Он пытался бежать с помощью знакомых русских эмигрантов в Швейцарию или скрыться в лагере русских беженцев в Австрии. Однако тяжелые погодные условия помешали переходу через Альпы. После ареста Александра в течение двух месяцев допрашивают. На допросах он подчеркивает, что действовал как русский и как православный христианин. При этом его Россия – не советская Россия. Он «больше всего хотел бы видеть исчезновение большевизма, но конечно не за счет таких важных областей, которые завоевала Германия...» Он заявляет, что полностью осознавал, какие тяжелые последствия могла повлечь за собой борьба с властью, что он может потерять жизнь. «Через все это я переступил, потому что для меня моя внутренняя обязанность к действию против национал-социалистического государства стояла выше этого.» После того, как 19 апреля 1943 г. суд выносит ему смертный приговор, равно как и профессору Хуберу и Вилли Графу, ему остается готовиться к загробной жизни, о которой он часто размышлял, еще будучи на свободе. Из камеры смертников, за одиннадцать дней до казни, он пишет своей сестре:

«...Ты, вероятно, удивишься, если я напишу тебе, что внутренне я становлюсь с каждым днем все спокойнее, даже радостнее и веселее, что мое настроение в основном лучше, чем оно было раньше, на свободе! Откуда это? Я хочу сейчас рассказать тебе обо всем: все это страшное «несчастье» было необходимо, чтобы наставить меня на правильный путь – и потому, на самом деле, оно вовсе не было несчастьем. Я радуюсь всему и благодарю Бога за то, что мне было это дано – понять указание перста Господня и через это выйти на правильный путь. Что знал я до сих пор о вере, о настоящей, глубокой вере, об истине, последней и единственной, о Боге? Очень мало! Сейчас, однако, я дозрел до того, что даже в моем теперешнем положении я весел, спокоен и обнадежен – будь что будет. Я надеюсь, что вы также прошли схожий путь развития и что вы со мной вместе, после глубокой боли разлуки, пришли к тому состоянию, чтобы за все возблагодарить Господа. Все это несчастье было необходимо, чтобы открыть мне глаза – но и не только мне, но и всем нам, всем тем, кого оно постигло – в том числе и нашей семье. Надо надеяться, что и вы также правильно поняли это указание перста Господня. (...)

Рано утром 13 июля 1943 года ему объявляют, что настал день казни. Он призывает священника того прихода, в котором рос и который 50 лет спустя, по воле Божьей, построит кафедральный собор свв. Новомучеников и Исповедников Российских всего в нескольких десятках метров от его могилы. О. Александр (Ловчий) исповедует и причащает его. В письме Александр прощается с родными и в пять часов вечера встречает смерть.

«Я перехожу туда в сознании, что послужил глубоко-му своему убеждению истине. (...) Немного часов и я буду в лучшей жизни, у своей матери, и я ее забуду вас, буду молить Бога об утешении и покое для вас! И буду ждать вас! Одно особенно влагаю в память вашего сердца: не забывайте Бога!!!

Ваш Шурик».

Национальная идея и возрождение России

В нашей жизни мы постоянно спотыкаемся и встаём, рушим и восстанавливаем. Много лет назад наша страна упала в одну из самых страшных пропастей своей истории, однако народ, отдав все силы, воссоздал её, как мог, пройдя через горнило ужасных мучений и испытаний. Страна воссоздала Державу, которая своей мощью вознеслась над всем миром... Но рухнула в один миг: весь лоск мировой империи развеялся по ветру. Гордость нашей Родиной превратилась в жестокий цинизм и безразличие к ней: увы, мы строили нацию для мирового могущества, а, потеряв его, потеряли смысл нации, разочаровались в ней, обозлились на мир.

И перед нами встал вечный вопрос: для чего мы живём в России. Многие, не ответив на него, уехали. Многие остались, но затерялись в каждодневной борьбе с насущными проблемами. Кто-то с блеском в глазах бросился восстанавливать утраченное мимолётное могущество. Были и те, кто принял всё как данность и ничего не стал менять. В этом страна разделилась; многие россияне оказались духовно и физически далеко от Родины.

Скажу честно, для чего в России живу я – тоже до конца не знаю. Но ужасно хочется искать, а где искать, как не в самом себе, сравнивая смысл своей жизни со смыслом России, и в Боге, который подарил мне жизнь и Родину.

Как видится, национальная идея – это смысл, который люди вкладывают в существование своей нации. Нация – это диалектическое сочетание субъективного и объективного: осознания своей бытийной общности и существования общей территории, экономики, власти, языка. Великая нация – та, в которой это сочетание наиболее гармонично. Нация, как и человек, развиваясь, меняется от одного состояния к другому: от упадка к возрождению и расцвету. Иногда во главу угла ставятся земные цели (владычество, слава, общее благоденствие), иногда небесные (мессианство на земле). Так она и качается от религиозности к светскости, очень часто останавливаясь на чём-то среднем.

Современная Россия, внешне светская, разрывается между двумя течениями: с одной стороны, возрождаются Церковь и дореволюционные традиции, а с другой – камнем вниз тянут советские атеистические установки. Как часты сегодня столкновения сторонников двух взглядов! И думается мне, что это противоречие – самое существенное в обретении национальной идеи России.

Один из глубочайших русских философов, Владимир Соловьёв, говорил, что идея нации есть не то, что сама нация думает о себе во времени, а то, что Бог думает о ней в вечности. Рационалистическая идеология неизменно тянет к земному, временному, а религиозная – к вечному. Рационалистическая национальная идея не соответствует замыслу Бога, а религиозная хотя бы нацелена на его поиск. Рационализм рождает великое множество споров, противоречий: национальных, этни-

ческих, идеологических, политических, экономических, сколько их!.. ведь логическому мышлению свойственно приводить к разным выводам. А в религии единственный существенный водораздел – *разноликость* вероисповеданий.

Потому для России, как, впрочем, и для любой страны, на любом историческом этапе важно обрести глубокое осознание своей самости, а для этого лучше всех подходит религиозное мировидение. Но реальность такова, что сегодня это невозможно. В стране до сих пор много неверующих и атеистов (20-30% по разным оценкам, но их процент сокращается), причём большинство из них – русские (4/5 населения страны). Получается, что наша национальная идея находится где-то недалеко от упадочного состояния – страна мыслит себя, в основном, лишь как земное государство – территория, власть, язык; притом и эти принципы в некоторых случаях отвергаются.

И всё же сегодня присутствуют элементы осознания нами своей глубокой исторической, культурной и религиозной общности – единства иррационального, пустой в целом и сохраняется картина измотанной и заплутавшей великой России с великой историей и таким будущим, о котором нам надо молиться.

Последнее особенно важно: сегодня мы должны пройти через большие искушения, совладать со свободой выбора, настолько большой, что люди тонут в ней, а сердце душист пустота. Мы – многие из нас, а, значит, и все мы, – просыпаясь утром, не представляем себе, чему следует посвятить новый Божий день. Установки разнятся от типичного «потребизма» до безразличия ко всему. И тогда в глубине души начинает рождаться ощущение, что это не истинное, не настоящее, не утоляющее жажду.

Увы, в России изуродованы и поломаны традиции. И происходящее на глазах возрождение кажется невероятным и невозможным. В самом деле, откуда черпать духовные силы, если в масштабах государства почти нет таких людей, которые могли бы передать своё историческое достояние нам, наследникам? Никакая книга не может сделать этого... По-особому звучат слова Алексия II: «*Молитвами* [новомучеников и исповедников Российских]... возрождается сегодня жизнь Церкви, воссоздаются храмы и все больше и больше людей находят дорогу к храму и Богу».

Многие россияне сейчас идут по ней, и именно на тех из нас, кто сумел вступить на путь служения Богу и Родине, данной им, лежит великая задача – пронести свой крест до конца, не озираясь на других. Истинное делание – смиренная постоянная работа над собой и исполнение данного свыше долга.

Сегодня национальная идея рождается в сердцах малой части России, которая с огнём веры должна пронести её по городам и весям, увлекая за собой стариков и молодых, слабых и сомневающихся, заблудших и сирых.

Возрождение России происходит, и оно становится возможным только благодаря вере.

Святая земля на окраине Москвы

На окраине района Бутово на юге Москвы находится бывший полигон НКВД, где с середины 30-х и до начала 50-х гг. были расстреляны и похоронены десятки тысяч людей. Из них несколько сотен были в последнее время причислены к лику святых как мученики. В середине 90-х годов территория полигона была передана Русской Православной Церкви. На ней был построен деревянный храм в честь свв. Новомучеников и Исповедников Российских. Теперь на полигоне постоянно совершаются службы пострадавшим здесь святым и панихиды по всем погибшим на этой земле. Мы встретились с настоятелем храма Новомучеников Российских в Бутове священником Кириллом Каледой, чтобы поговорить об истории этого места, его значении для нашей современной жизни и смысле подвига тех, кто пострадал здесь.

Вадим Сергиенко. Отец Кирилл, Патриарх Алексий назвал Бутово Русской Голгофой. Какие имеются основания для того, чтобы называть так это место?

Отец Кирилл Каледа. Из известных сейчас мест, где священнослужители и миряне пострадали за православную веру, как это ни может показаться странным, в Бутове больше всего таких пострадавших. Сейчас в Бутовский синодик, т.е. в список тех людей, которые погибли здесь за исповедание православной веры, включено 940 имен. Даже на Соловках это число меньше. Кроме того, из этого числа к настоящему времени причислено к лику святых, если не ошибаюсь, 304 человека. На канонической территории Русской Православной Церкви нет больше места, где бы в едином месте почивали бы мощи такого количества святых.

В.С. Но ведь здесь, на Бутовском полигоне, были погребены останки не только священнослужителей, но многих и многих самых разных людей, в том числе связанных с режимом, коммунистов, чекистов. Кто вообще здесь погиб?

о.К. Общее число имен тех, кто пострадал на полигоне, мы не знаем. Полигон начал действовать с конца 1935-го или в 1936 году, и вплоть до начала 50-х годов здесь производились захоронения расстрелянных и умерших в московских тюрьмах. А мы знаем только тех людей, которые здесь были расстреляны и захоронены в период с августа 1937 по октябрь 1938 года. Это почти 21 тысяча, точнее 20 761 человек. Когда я впервые увидел эти списки, я был поражен тем, что среди расстрелянных очень много самых простых людей, т.е. рабочие, крестьяне. Есть, кажется, двое 14-летних ребят. Самый старый – Владыка Серафим (священномученик Серафим (Чичагов), митрополит Петроградский – прим. ред.), ему было 82 года, он самый старший по возрасту и самый старший по сану. Есть около тысячи тех, кто пострадал за веру – в основном это священнослужители и монашествующие, но сейчас выявлено около 200 мирян, которые были за это арестованы. Несомненно, это число больше, но обнаружить их достаточно сложно, потому что не всегда грань здесь четко проходит. Большая часть пострадавших – это русские, славяне: русские, украинцы, белорусы. И в основном это жители Москвы и Московской области. Но наряду с ними есть люди, можно сказать, со всего света: много немцев, поляков, литовцев, латышей, есть китайцы, несколько индусов, уроженцы Америки и т.д. Один даже бур из Южной Африки. Бедолага при-

ехал сюда строить коммунизм и вот здесь жизнь свою кончил.

И действительно, в Бутове в общих рвах лежат и святые, праведники, и страшные преступники. Есть свидетельства о том, что тех офицеров, которые принимали участие в казнях, тоже здесь расстреливали, скидывали и клали в те же самые рвы. И это большой урок нам: у Господа, перед лицом смерти они все оказались едины. Этот момент, с моей точки зрения, богословски еще не осознан, не осмыслен.

Николай Бобринский. Но ведь и на Голгофе были разбойники.

о.К. И в этом смысле тоже есть параллель. Есть еще одно сходство. Ведь апостол Павел в послании к Евреям

(Евр. 13.12) говорит о том, что так как тела жертвенных животных сжигались вне стана, то и Христос пострадал вне врат града: Он был выведен за пределы Иерусалима. Бутово тоже вне врат, границ города, но около города.

В.С. Еще интересное сравнение: мученики первых веков христианства своим подвигом веры победили, можно сказать, Римскую империю, преобразовали, возродили ее. Мученичество на Руси сейчас, в XX веке, было масштабным, очень сильным, но в то же время оно ни к каким заметным результатам не привело. В 1943-м году прекратился подвиг свидетельства кровью, но Церковь фактически была порабощена, над ней был установлен жесткий контроль, и о мучениках не вспоминали вплоть до того, как режим сам не рухнул. И только сейчас начинает всё это возрождаться, люди начинают понимать смысл мученичества, и то далеко не все, и очень мало тех, кто до конца это осознает. В чем же тогда подвиг новомучеников? Ведь они не смогли ни разрушить государство, ни возродить народ.

о.К. Я не совсем согласен с Вами. В их подвиге, и в том, что режим рухнул, и в том, что происходит теперь, есть настоящее чудо. Притом, что большая часть населения сейчас нецерковна, по всей стране воздвигнуто небывалое количество храмов, монастырей. Такого храмового строительства Россия никогда не видела. Да, я понимаю, Вы можете возразить, что очень часто, к сожалению, это только внешние стены. Но тем не менее, для того чтобы поставить эти стены, нужны достаточно большие ресурсы, не материальные, а духовные. Это настоящее чудо Божие, и я глубоко убежден, что это происходит и благодаря подвигу мученичества тех людей. Ведь они сами говорили, что будет время, когда советская власть кончится и храмы будут снова воздвигнуты на Руси. Это говорили очень многие. Я, когда в

первый раз увидел дела пострадавших, был удивлен очень близкими ответами, общему настроению, четким формулировкам: «Советская власть, как и любая власть – явление временное». И об этом говорили не только люди образованные, но и самые простые бабушки. Совершенно спокойно неграмотные старухи в лицо своим мучителям говорили, что всё это послано за грехи народа, но придет время, когда всё изменится. Но возникает другой вопрос: достойны ли мы их подвига? И сможем ли мы использовать это, их подвиг, во благо нам, во благо нашим детям, во благо нашего отечества? Достойны ли мы этого?

В.С. *А что нужно, чтобы быть достойным? Как мы должны себя проявить?*

о.К. Во-первых, должна быть вера. Необходимо возрождение церковности. Настоящей церковности, а не псевдоцерковности, когда мы по каким-то дням или каким-то событиям посещаем церковь. Теперь уж, слава Богу, нас за это не исключают из института, из школы не выгонят, и даже если какая-нибудь учительница или начальник будет что-то говорить, мы можем это простить, понимая, что очень больших последствий не будет. Нужна действительно вера, нужна любовь, нужно единение между людьми, которого, к сожалению, нет. Я общался с одним таким священником-исповедником отцом Василием Евдокимовым. Он родился в российской провинции, в городе Козлове Тамбовской губернии, в 1902 году и говорил: «Кирюша, ты даже не можешь представить себе, какой счастливой была жизнь в России до 1917 года». Понятно, что у него детское восприятие было, мы всегда детство воспринимаем очень радужно, если каких-то сильных потрясений нет. Но, тем не менее, я у него спросил: «А почему, что такого было особенного?» В России всякие сложности были, экономика и тому подобное. И он дал характеристику тому, что было хорошего, и чего сейчас нет. Люди доверяли друг другу. А сейчас этого нет. Этого, к великому сожалению, нет даже внутри церковной жизни, этот порок, разделение мира сего. Мы разобщены.

Н.Б. *У меня возникала мысль о том, что нам, потомкам мучеников, очень тяжело обращаться к ним в молитве, потому что мы часто еще и потомки тех, кто виноват в их убийствах. Ведь многие люди в то время так или иначе соучаствовали в этих преступлениях, по крайней мере, не противились им. Солженицын, например, утверждает, что в преступлениях советского режима совсем не виноваты только те, кто погиб сопротивляясь.*

о.К. Несомненно, эта проблема есть. Ответственность за происшедшее в России лежит на всём русском народе, в разной степени, конечно, но тем не менее. В конце концов, помещиков в 17-м, 18-м году избивали именно простые наши русские мужики, а не кто-нибудь там. А насаждала атеизм интеллигенция, и в семинариях считалось «высшим классом» исповедовать атеизм. Поэтому были случаи, когда там убивали преподавателей. Это считалось шиком – в семинарии исповедовать атеизм. Вот и доисповедовались. Вместе с тем, наверное, есть какая-то другая сторона. Вот я часто теперь возвращаюсь к фразе, которую сказал Владыка Сергей Сол-

нечногорский, теперь митрополит Воронежский, когда освящал крест на полигоне: «Здесь каждый нёс свой крест. И те, которых расстреливали, и те, которые расстреливали». Я тогда это не воспринял, она мне, наверное, поэтому и запомнилась. И действительно, все мы люди. Каждый из нас, в том числе и сидящие за этим столом, имеет право на ошибку. К великому сожалению, мы тоже ошибаемся. Каждый про себя это может сказать. Да, слава Богу, Господь не поставил нас с вами перед таким выбором как идти или не идти работать в ЧК. Перед таким шагом мы бы понимали, что должны будем если не расстреливать, то, во всяком случае, совершать определенные действия, которые принесут страдания людям. Но каждый из нас все равно идёт на какие-то компромиссы. Насколько мы можем принести покаяние в наших грехах? Ведь сотник Лонгин, который распинал Христа, покаялся и стал святым, и теперь мы ему молимся. И есть примеры, я знаю случаи конкретных людей, которые, оказавшись в органах, потом по-настоящему раскаивались. Я не говорю о том, что нужно признавать их святыми, но они принесли покаяние. А сейчас тяжесть нашей ситуации заключается именно в том, что большинству населения этой одной шестой части света, мягко говоря, по барабану, что произошло 60 лет тому назад. Эта теплохладность страшна. Эта бездуховность, очевидно, нас ведет к гибели как народа, государства.

В.С. *Но скажите, зачем нам, нашему поколению эти тяжести? Те, кто пострадал, те, кто расстреливал – они уже своё вынесли, кто раскаялся, кто нет, а мы теперь – новое поколение, у нас свои проблемы, экономика, вступление в ВТО, у нас интеграция в мировое сообщество. Зачем нам этот подвиг мучеников? Зачем нам эту тяжесть с собой нести?*

о.К. Потому что дерево, когда растёт, питается от корней. Если эти корни больны, то дерево гибнет. Если какой-нибудь крот или кто-то еще корни подгрызёт, то дерево засохнет. Вот и мы таким же образом засохнем, если свои корниотрежем. Человек не может жить без корней. Именно это делали турки, воспитывая башибузуков – они отрывали человека от корней, воспитывали его роботом, марионеткой. Если мы хотим быть марионетками в руках ВТО, еще кого-нибудь, то, действительно, зачем нам все эти проблемы – они нам не нужны. А если мы хотим быть людьми – у нас найдется столько вопросов об этом. Вот меня недавно спросили: «Начав заниматься этим местом, посвятив ему жизнь, Вы ушли в прошлое. У Вас нет будущего?» Я ответил, что категорически не согласен. Я как раз этим занимаюсь для того, чтобы у нас у всех было будущее.

В.С. *Отец Кирилл, когда Вы стали служить на Бутовском полигоне, как-то себя это место проявило, именно святость этого места. Должны же были быть какие-нибудь свидетельства, особенные переживания, ощущения?*

о.К. Я человек мало верующий. Как Петр, когда ему было явлено чудо, он сказал Господу: «Господи, отойди от меня, ибо я человек грешный» (Лк. 5.8). И я боюсь прямого соприкосновения с чудом, и поэтому я, если

прошу у Господа чего-то, и я понимаю, что происходит по Его воле, но я прошу, чтобы это произошло естественным стечением обстоятельств. А чудеса здесь происходят. Вот сегодня год, как заложен каменный храм. Сходите, сфотографируйте его (большой пятиглавый храм уже подведен под купол – прим. ред.)

Н.Б. Я часто замечал, что сейчас в православных книжных магазинах немного книг о новомучениках. Как будто верующие ими интересуются относительно меньше, чем, например, преподобным Серафимом или митрополитом Антонием. Меня это удивляет, потому что здесь, рядом с нами, есть такой источник бесценного опыта и святости.

о.К. Это, во-первых, слепота, ведь сказано: никакой пророк не принимается в отечестве своем (Лк. 4.24). Вот они рядом, и нам кажется, что в них что-то не так. Даже задавали вопрос: «Ну какие же они святые?» Действительно, какой святой, не знаю, какой-нибудь батя, в деревне служил, кадилом махал, и потом его взяли и расстреляли. Он вот от Христа не отрекся, напоследок сказал, что ваша власть кончится. Какой подвиг он совершил? Вот отец Михаил Успенский на Преображение накормил прихожан яблоками из своего сада. Его за это забрали. «Как же ты, батя, пропагандой занимаешься?» Ну как можно это сравнить, скажем, с Антонием Великим? Яблоками только накормил. Так в том-то всё и дело! Я думаю, что потенциально никто из нас того, что сделал и преподобный Сергей или преподобный Серафим, как бы мы лбом головы ни обивали, кланяясь, сколько бы мы книг богословских ни прочли, не достигнет. Они изначально были другими. Да, у них были искушения, но они выдержали эти искушения, совершили то, что мы не сможем совершить. А эти люди, новомученики – такие, как мы. Но у них хватило мужества следовать за Христом. Несмотря на то, что было трудно, несмотря на то, что у них были семьи, они за них переживали. У них уводили коров, которые кормили их детей, а они благодарственные молебны за это служили. Вот отец Александр Парусников. Он в Раменском служил. У него одиннадцать человек детей было. Корову у них увели, а он пришел и сразу, как узнал, говорит: «Надо молебен служить». Матушка ему: «Саш, да ты что?» А он детей поставил на коленочки и стал святителю Николаю благодарственный молебен служить. После этого у него более чем в течение года каждое утро на крыльце корзинка с двумя бутылками молока и буханкой хлеба стояла. Дети смотрели – не смогли увидеть. Подсматривали, по ночам дежурили – кто ставит – и не смогли увидеть. А ему потом в квартире поселили чекиста какого-то с открытой формой туберкулеза. И о. Александр каждый год потом детей своих хоронил. И он, тем не менее, не отказался, не ушёл. Они были очень похожи на нас. Вот в этом замечательность их подвига.

В.С. Может быть так. Но между их подвигом и нами лежит не так уж много времени, а живого до нас практически ничего не дошло. Подвиг закончился, и вот ощутить его как свой, чтоб он был нам передан – этого почти нет.

Даже в семьях, в которых родители были мучениками, исповедниками, часто просто молчали, про их жизнь ничего не рассказывали.

о.К. Я с Вами согласен, с одной стороны, потому что я видел, как в Бутовский храм пришли несколько человек, стали говорить о том, что их дедушка монахом был и, может быть, он здесь пострадал – его где-то расстреляли. Подняли материалы – оказалось, что их дедушка был архиепископ Владимирский – Николай (Добронравов), очень известный богослов. А с другой стороны, и не скрывалось. Например, я всегда знал, что, дедушка мой где-то пострадал за то, что он был священником (о. Кирилл – внук священномученика Владимира

Амбарцумова, расстрелянного в Бутове 5 ноября 1937 г. – прим. ред.), что у моих товарищей тоже кто-то пострадал. Эта была реальная жизнь. Жизнь среди тех людей, которые всё это вынесли. И когда папа (протоиерей Глеб Каледа, в советское время долгие годы тайно был священником – прим. ред.) пришёл и сказал о том, что он тайно рукоположен во священники, мы это приняли совершенно естественно. Это не было чем-то экстраординарным. Хотя понимание того, какие могут быть последствия, не только для него, но и для нас – оно тоже было. Поэтому корни – они есть.

В.С. Скажите, а на какой почве возможно принятие этого прошлого, осознание XX века, подвига мучеников, возрождение церковности? Ведь всё распалось, ничего почти нет.

о.К. Вот этот вопрос как раз очень сложный. Действительно, если говорить по большому счёту, была огромная страна, и она словно ушла под воду. Атлантида. Остались только вершины гор. Так, отдельные островки в бескрайнем океане. И сейчас может произойти так, что очередная буря затопит и эти островки. Наверное, наша задача сейчас – понять, спокойно осознать, что происходит. Мы должны понимать, что если мы хотим, чтобы что-то осталось от этой удивительной культуры, от этой России, нам нужно строить дамбы вокруг островов, а то мы очередной цунами не сможем пережить.

Н.Б. Дамбу – в каком смысле?

о.К. Конечно, в первую очередь в смысле духовном, нравственном, и как раз должно быть очень четкое осознание наших корней.

В.С. Еще такой момент. Для русского человека, наверное, очень болезненный, потому что всем Бог дал отца, мать, брата, Бог дал отечество. Бог может и забрать – и то, и другое. Но искони на Руси получилось так, что у нас особенной была именно любовь к своему отечеству, к отеческим гробам. Как Вы думаете, вот сейчас, не дай Бог, какая-то волна, мы не сможем выдержать. Сейчас, действительно, государство слабое, народ вымирает катастрофическими темпами. Еще одна волна – с юга, с востока, изнутри. Вот сейчас у нас говорят – революция, скоро уже революция. Все пытаются использовать молодежный порыв, куда-то направить. Россия, будет ли Россия – эта вера, этот путь – без государственного образования?

о.К. Не знаю – я не пророк, не историк, ни мыслитель. Не знаю. Но давно уже сказано:

С Россией кончено... Напоследях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада. Монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

Это Волошин, 1917 год. Тот же Волошин говорил о том, что «минет всё, Европа и Россия». Мы должны понимать, что Римская империя кончилась и Византия кончилась. К великому сожалению, мы сейчас живем на таком перепутье, когда очень может быть, что и наша цивилизация кончится. И мы тогда одни из последних. Но, если Господу будет угодно – всё может возродиться.

Ирина Зубова. *От нас это тоже зависит.*

о.К. Да, от нас это тоже зависит. Вот в том то всё и де-

ло, что от нас это зависит, от того, как мы себя будем вести. Причем не в том, чтобы ходить демонстрациями, а именно четкой организацией своей жизни на основе Православия.

В.С. *И что, если какая-то часть общества будет молиться и ходить в церковь, это спасёт страну, это ее возродит?*

о.К. Когда Господь шёл истреблять Содом и Гоморру, то Авраам спросил у Него:

«Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? Неужели Ты погубишь, и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников». Господь сказал: «Если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу весь город». И Авраам стал постепенно уменьшать количество праведников, ради которых будет спасен город, и только после числа десять в Библии сказано: «И пошёл Господь, перестав говорить с Авраамом» (Быт. 18, 23 – 33). Так что ответ на Ваш вопрос находится во власти Господа Бога. Он примет решение, когда Он перестанет говорить с нами и наступит Суд.

С отцом Кириллом Каледой беседовали Вадим Сергиенко, Ирина Зубова и Николай Бобринский.

ГОЛОС ПРОШЛОГО

Федор Стенун

РОДИНА, ОТЕЧЕСТВО И ЧУЖБИНА

Не помню точно, в каком это было году. Гитлер со свирепым отчаянием все еще завоевывал Россию, а по Дрездену с лихими солдатскими песнями бодро маршировали взводы ладно скроенных и крепко сшитых русских парней. Так и хотелось поздороваться: «Здорово, молодцы!».

В построенной в память посещения Александром II Дрездена просторной православной церкви рядом со мною истово молился по-маскарадному переодетый в немецкий мундир широкоплечий русак, который оказался, когда мы с ним ближе познакомились, народным учителем с Дона. По окончании службы он приложился к кресту и, выйдя в прицерковный сад, сел на скамеечку. Я подсел к нему, предложил папиросу и, желая выяснить, что собственно происходит в душах советских людей, сражающихся с Гитлером против Сталина, провокационно спросил: «Д вам не больно, не стыдно в немецком мундире сражаться против нашего отечества?».

Посмотрев на меня удивленно и малодружественно, мой собеседник, помолчав, ответил: «Видно вы давно из России, а то знали бы, что воевать против своего отечества нам не приходится, потому что папаша Сталин давно его у нас украл».

«Так ли? – попытался я возразить. – Поначалу красноармейцы, действительно, сдавались, а теперь, как слышно, живота своего не щадят».

«Это правда, – ответил власовец, – когда мы поняли, что нам от Гитлера спасения не будет, мы перестали сдаваться, только дрались мы, пока были в России, не за отечество, а за могилу в родной земле. Она многого стоит. Я вот и сам начинаю подумывать, не вернуться ли мне домой? Пускай меня лучше Сталин расстреляет, чем гитлеровский нацист. На Дону и покойнику легче дышать, чем на Эльбе...»

Этот разговор произвел на меня в свое время большое впечатление не только своей душевной взволнованностью и глубиной, но и отчетливостью высказанных моим собеседником взглядов, сводимых, без особой натяжки, к следующему трем положениям: 1) необходимо делать различие между отечеством и родиной, 2) измена своему отечеству ради спасения родины не только допустима, но, быть может, и обязательна, 3) пребывание на чужбине без борьбы за родину, наоборот, недопустимо. Если на чужбине невозможно жить родиной, то лучше возвращаться домой, хотя бы лишь затем, чтобы умереть у себя.

Думаю, что этих трех положений вполне достаточно для построения социологии эмиграции, науки, над которой ныне работает целый ряд выдающихся ученых. Самочинно размышлять над разницей между родиной и отечеством – не приходится. Она полностью содержится в корнях слов. Родина – начало материнское. Отечество – начало отчее. В мирные, благополучные времена мы родины от отечества не отделяем. Живем под родительским кровом: чувствуем тепло материнской любви и силу отца, который нас с матерью в обиду не даст. Но вот период благополучия кончается, и начинается семейная драма. Сначала протесты матери против угнетений со стороны отца, а потом мстительное усиление отчего насильничества над матерью.

Определяя революцию как трагическое расхождение между родиной и отечеством, необходимо описать тот круг переживаний, который мы ощущаем родиной, и тот иной, который связываем с понятием отечества.

Родина

Тоскуя о своей родине, всякий человек прежде всего тоскует по образу своей земли: по ее восходам и закатам, по ее горизонтам и дорогам, по ее рекам и песням, по ее безбрежным долинам и горным цепям, по ее древним го-

родам и тихим деревням, по запахам е лесов и полей. Тоска по родине не зависит от того, покоится ли она в объятиях своего государства или страдает под вражеской властью. Как правило, можно считать, что поработенную родину мы любим глубже, чем свободную. Для немцев завоеванная большевиками Восточная Пруссия – лодки и сети у моря, кровные лошади в лугах, деревни под соломенными крышами – остается такой же родиной, какой она была до Войны. Родиной она будет еще и для их детей и внуков. Любовь, порождаемая ненавистью, – очень сильное чувство.

Если бы судьбе было угодно вырвать

Федор Августович Степун (1884-1965). Русский религиозный философ и публицист. Родился в Москве в семье выходцев из Германии. Окончил Гейдельбергский университет. Принял православие. Православный философ. Участник Московской вольной академии духовной культуры. Был редактором международного философского журнала «Logos» (1910-1914), читал лекции по философии и литературе. Был выслан из России в 1922 г на «философском пароходе». Стал профессором Дрезденского университета (1926-1937). В 1931–1939 вместе с Г.И. Федотовым издавал журнал «Новый град», в котором развивал идеи христианского социализма. В 1937 отстранен от преподавания нацистами. В 1946-65 был профессором философского факультета Мюнхенского университета, где вел уникальный предмет — историю русской мысли. Скончался 23 февраля в Мюнхене.

Украину из состава государства Российского, мыслимо-го в будущем, конечно, лишь в образе свободной федерации, – это никак не могло бы погасить в русских людях ее ощущения как родины.

Надо ли говорить, что в исторической памяти России хранятся не только картины всероссийской природы, народного быта и обихода, но и образы великих исторических событий и созданной Россией культуры: ее искусства, ее философии, мудрости и веры. Столетиями в непрерывной смене поколений длящееся объединение людей, связанных между собою созданием и исповеданием общей всем им культуры, мы называем нациями. Моя нация – это моя духовная родина. Не подлежит сомнению, что в создании национальной культуры могут участвовать люди разных племен, рас и даже люди, говорящие на разных языках (Швейцария).

Россия была крещена в Киеве. Среди угодников, святителей, старцев и иерархов единой Русской Православной Церкви было много украинцев. Украинец Гоголь был величайшим русским писателем, из «Шинели» которого вышла, как было сказано, вся русская литература. Его шалая птица-тройка в гораздо большей степени является символом России, чем Украины. Гоголем же была открыта и с непостижимой гениальностью описана не только романтика, но и мистерия Невского проспекта. Украинец Короленко на дальнем севере, в нишей великорусской деревне ощутил себя подлинно русским человеком. Все это и еще многое другое дает всякому русскому человеку неоспоримое право считать Украину своей духовной родиной. Быть может, с меньшим, но все же с бесспорным правом причисляем мы к своей родине и воспетый Пушкиным, Лермонтовым, Глинкой и Врубелем – Кавказ. Но, конечно: из того, что русский человек в праве ощущать Украину и Кавказ частями своей родины, отнюдь не следует, что всякий украинец и грузин должен ощущать своей родиной Москву и Волгу. Не следует потому, что родина не есть внешний факт, к признанию которого можно кого-нибудь принудить, а есть в живом и личном опыте обретаемый мир, глубина и широта которого никому не может быть предписана.

ренной нагоде светится образ Спасителя.

Искусство, конечно, не наука, но все же познание, которого никакой науке не следовало бы игнорировать.

Отечество

Отец – кормилец и защитник жены и семьи. Мистическое тело родины, образ национальной культуры, таинственное дыхание и красота матери-земли – все это было бы открыто вражьи ветрам и налетам, если бы жизнь родины не протекала в формах государства. Лишь его справедливыми, но и строгими законами, его умным миролюбием, но и вооруженной решимостью защищена родина от превратностей и неожиданностей судьбы. Отечество – это меч и щит родины.

Не в историческом, но в иерархическом порядке родина первичнее отечества. Если бы у нас не было что защищать, нам не были бы нужны ни меч, ни щит.

Научная концепция известного немецкого социолога Tonnies'a построена на противопоставлении общины (Gemeinschaft) и общества (Gesellschaft). Пользуясь этой терминологией, мы можем определить родину, прообразом и формой которой является Церковь, как общину, а отечество – как общество. Община, по Tonnies'у, возникает и развивается органически; она, по существу, организм, т.е. нечто, что не может быть организовано. Договорной теории родины никогда не существовало. Другое дело государство. Уже в средние века в связи с борьбой между папой и императором было создано учение, согласно которому император пользуется своей властью лишь на основании договора с народом, почему эта власть и может быть у него отнята, если бы он начал ею злоупотреблять. Впоследствии эта мысль была развита Руссо в его «Contrat social» (1762) и легла в основу государственно-правовых размышлений Шиллера, Канта и других мыслителей. Верна или не верна договорная теория общества – вопрос сложный и решать его мимоходом нельзя. Важно лишь то, что она постоянно защищалась видными учеными и практиковалась эмигрантами, порывавшими всякие отношения со своим отечеством, уходившими из своего государства и менявшими свое подданство. Возможность перемены подданства проли-

вает новый свет на глубокое различие между родиной и отечеством. Сознательная, волевая и быстрая перемена родины для человека невозможна. Приобретение новой родины – процесс очень длительный и возможный лишь для детей или даже внуков эмигрантов. Уйти от своей родины нельзя. Даже и видя ее недостатки, Нельзя перестать ее любить.

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И с головой, от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в Божий храм.

.....
Да и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Это всем понятно, как понятна нам и готовность Лермонтова до полуночи смотреть:

На пляску с топотом и свистом
Под говор пьяных мужиков.

Но кто стал бы голосовать за пьянствующее, бесстыдно грешащее и ханжески молящееся правительство? Ясно, что никто. Такое правительство ни для кого не было бы отечеством. Его сыны чувствовали бы себя сиротами, а родину-мать – вдовой. Правильно потому говорит Вольтер: «Отечество возможно только под добрым королем, под дурным же оно невозможно». Ту же мысль высказывает и La Bruyere: «В деспотиях невозможно отечество».

С осознания этой невозможности всегда и начинались революции. Перед революционерами сразу же вставал вопрос: правильнее ли защищать родину на территории поработившей ее деспотии, или извне – на территории чужбины. Те, которым второе решение представлялось более целесообразным, – эмигрировали. История эмиграции, история полупринудительных и полудобровольных разлук с родиной, несмотря на ее давность и на то, что ряд выдающихся людей подолгу пребывал вне своего отечества, еще не написана. Вот несколько имен и дат. Уже Платон жил некоторое время в эмиграции. Одна из самых замечательных книг мировой литературы «De Civitate Dei» блаженного Августина порождена беженским вопросом IV столетия: падением Рима и бегством римлян в Северную Африку и Малую Азию. Эмигрант Данте был трижды приговорен к смертной казни, в последний раз с ее распространением и на его детей.

Американцы, поскольку они не туземцы, – все эмигранты. XVII век – классический век эмиграции. Менониты бегут из Голландии, а гугеноты – в нее. Великая французская революция залила все европейские страны своими аристократическими *emigres* и протестантскими *refugies*. Спустя 15 лет после четвертого раздела Польши ее душа переселилась в Париж: князь Чарторийский, Мицкевич и историк Лелевель. Если еще вспомнить, что в 1922-1923 гг. 35 тыс. турок были из Греции переведены в Турцию, а полтора миллиона греков из Малой Азии в Грецию, то наша судьба российских эмигрантов уже не покажется нам столь непостижимой и необычайной, какой она нам представляется. О том, какой хаос поднимется в Европе, пророчествовали многие зоркие люди: Токвиль, Ницше, Достоевский, Якоб Буркхардт. Быть может, самые вещи слова, которых нельзя не вспомнить, размышляя о нашей эмигрантской судьбе, принадлежит Герцену.

«Вся Европа выйдет из своих берегов, будет втянута в общий разгром; пределы стран изменятся... национальности будут сломлены и оскорблены. Города обеднеют,

образование падет... земля останется без рук... усталые, заморенные люди покорятся всему, военный деспотизм заменит всякую законность... Тогда победители начнут драться из-за добычи. Испуганная цивилизация, индустрия побежит в Америку, унося с собой от гибели деньги, науку, начатый труд».

Поразительно. Но довольно истории. Вернемся к самим себе и постараемся разобраться в своих собственных делах.

Эмигрант

Люди, покидающие родину под давлением революционных смут, могут быть разделены на эмигрантов и беженцев. Характеризуя эмигрантов и беженцев, я подчеркиваю, что даю «воображаемые портреты», или, по более научной терминологии одного из самых значительных социологов XX века Макса Вебера, – идеал-типические образы. В конкретной жизни идеал-типические эмигрантов, как и идеал-типических беженцев мало. Кроме того, бывает и так, что человек, годами живший и работавший как закаленный в борьбе эмигрант, вдруг превращается в беженца-обывателя. Эмигрант – это активный борец за свою родину-мать против предавшего ее отца. Но с кем и какими средствами возможно ведение этой борьбы? Ясно, что без помощи организованного общественного мнения и государственной власти той страны, в которую эмигрант попал или которую он себе выбрал, никакая борьба невозможна. Для ее успешного ведения эмигранту необходимо освоить чужбину, превратить ее в свое второе отечество, стать до известной степени своим среди изначально чуждых ему людей, вызвать их доверие, склонить к себе их ухо. К совсем чуждому человеку они прислушиваться не станут. Вопрос о перемене подданства для эмигранта малосуществен и, даже больше: в сущности он для него беспредметен. Покинувший свое отечество эмигрант не может продолжать считать себя сыном своего отца и гражданином государства, против которого он борется. Теряя свое подданство, он тем самым лишается и возможности его смены на другое.

Сложнее вопрос о праве политического эмигранта защищать свою родину вооруженной рукой чужого государства или, что по существу одно и то же, сочувствовать успешному наступлению чуждой армии на государственную территорию своей родины. Вопрос этот отвлеченно – неразрешим. То или иное разрешение зависит от того, кто наступает и в каких целях. С занятой мною точки зрения освобождение родины хотя бы и вооруженной рукой дружественного государства надо считать лишь в принципе допустимым, фактически же всегда и очень опасным и маложелательным. Не революционное минирование своей родины и не подготовка интервенций является поэтому главной задачей эмиграции, а защита России перед лицом Европы и сохранение образа русской культуры.

К сожалению, старая русская эмиграция успешно исполнила лишь эту вторую задачу. Нет сомнения, что все созданное ею в научной, философской и художественной сфере со временем весьма ценным вкладом прочно войдет в духовную жизнь пореволюционной России.

Гораздо меньшего достигла эмиграция в области защиты русских интересов среди общественных и политических деятелей Европы. Я отнюдь не жалею, что она по примеру других стран не создала своего эмигрантского правительства. От таких правительств – избави нас Бог. Но она не создала и никакого организационного центра, никакого печатного органа, который авторитетно раз-

яснил бы иностранцам миросозерцательную, психологическую и политическую суть происходящих на родине событий. В хоре иностранных голосов, ежедневно столь же самоуверенно, сколь и беспредметно размышляющих о России, о ее правительстве и народе, о ее прошлом и будущем – русского голоса не слышно.

В 20-х годах дело все же обстояло лучше. Разбитый большевиками либерально-социалистический фронт Временного Правительства располагал довольно прочными связями с политическими центрами Европы. Голос поработанной большевиками России в то время еще имел некоторый вес. Но с годами он ослабел и затих. Самую большую роль в этом печальном процессе сыграли годы, т. е. старость, болезнь и смерть прежних вождей революционной демократии, но немалую роль сыграли и ослабление духа бодрости, и потеря необоснованных надежд: большевизм оказался явлением гораздо более сложным, значительным и судьбоносным, чем это поначалу казалось деятелям Февраля.

Новой эмиграции роль консультантов по русским делам оказалась еще менее по плечу, чем старой. Выросшая в стране, абсолютно отрезанной от всего остального мира, она не вывезла и не могла вывезти в Европу ни более или менее солидных исторических знаний, ни живого ощущения души и бездушия Запада. Достаточного же времени, чтобы осмотреться и во всем разобраться, продумать своим умом и окинуть своим глазом, – ей не было дано, так как сразу же по окончании второй войны на Западе поднялась борьба между «свободным миром» и Советской Россией. Победы в этой борьбе Запад надеялся добиться собственными силами и средствами. Ни в каких идеологических и стратегических советах эмиграции он не нуждался. Нельзя сказать, чтобы Европа и Америка новую эмиграцию игнорировали, отнюдь нет. С нею много носились, гораздо больше, чем со старой, но с нею мало считались. Западу были нужны не политические советники, а свидетели советских ужасов, эксперты по определенным вопросам, агитаторы и т. д.

Хотя эмигрант главным образом политик, он все же и частный человек, стоящий перед трудной задачей настолько хорошо устроиться в чужой земле, чтобы прокормить себя и свою семью, чтобы вырастить детей добрыми европейцами или американцами, но и подлинно русскими людьми. Осуществление этой задачи – дело трудное. Уберечь детей от влияния чужой страны, их второго отечества, нельзя, а потому и противиться ему бессмысленно. Школа, среда, улица, театр, товарищи и главным образом язык – все это факторы громадного значения, которые, если им ничего не противопоставлять, неизбежно приводят к быстрой и полной денационализации детей. Чтобы этого не случилось, необходимо подсказать детям определенную тему для общения с западным миром. Этой темой и может и должна быть Россия. Русский по происхождению ученик немецкой гимназии, читающий со своим немецким товарищем «Бориса Годунова» Пушкина; студент Сорбонны, пишущий работу о роли Герцена в европейском революционном движении; окончивший берлинскую консерваторию внук старого русского эмигранта, не дающий ни одного концерта без исполнения русских композиторов; европейски образованный православный священник, мальчиком выехавший из Советской России, окончивший парижский богословский институт и смиренно раскрывающий католикам и протестантам мистическую глубину и благоухание православного богослужения, – вот несколько

образов и примеров того органического сращения верности своей покинутой родине с творческим освоением второго отечества, в котором, вдали от всякой политики, таится смысл нашей эмигрантской жизни, эмигрантской – не беженской.

Беженскую жизнь устроить и осмыслить очень трудно, а быть может и невозможно.

Беженец

Беженец в моей социологической конструкции представляет собою полную противоположность эмигранту: он не способен на то, в чем, как было выяснено, центр и сущность эмигрантского сознания и эмигрантской жизни, – на органическое соединение жизни с родиной с жизнью на чужбине. Беженец обыкновенно или с такою силой одержим тоскою по родине, что оказывается не в силах хоть как-нибудь устроиться в чужой стране, или, наоборот, он с такою быстротой забывает покинутую родину, что в два счета недурно устраивается в любой среде. Беженец первого типа – беспочвенный лирик, беженец второго типа – зубастый мещанин-делец. Говорить о дельцах много не приходится. Существенной социологической проблемы Русского Зарубежья они собой не представляют, так как уже во втором поколении утрачивают, по крайней мере на поверхностный взгляд, свой национальный облик, а в третьем – и язык.

Было бы нетрудно описать ряд головокружительных беженских карьер, но не стоит вдаваться в беллетристику. Для меня важны не образы беженской жизни, а ее исходные точки зрения – простые и ясные: не за тем мы бежали от холода и голода, чтобы здесь мерзнуть и голодать. Не за тем покидали добро, чтобы жить нищими. У себя обязательно сели бы в тюрьму за буржуизм, а здесь, Бог даст, в люди выйдем. Надо сказать, и впрямь выходили.

Гораздо сложнее проблема беженцев-лириков. Говоря о них, я главным образом имею в виду те слои Зарубежья, что попали в Европу после ликвидации белого движения. Среди новых эмигрантов поэтов много, но беженцев-лириков мало.

Человек не может жить, не помня своего прошлого. Только памятью, учит Платон, осуществляется человеческая личность. Но человек также не может жить, не забывая ничего из того, что довелось пережить. Пережив страшную трагедию, ничего не забывающий человек мог бы лишь претерпевать, но не строить свое будущее; все сидел и плакал бы у рек Вавилонских. Не умея правильно сочетать права на память с долгом забвения, эмигрант-лирик не только что льет слезы, но словно кровью истекает мучительными воспоминаниями о своем незабвенном прошлом.

Помнить и вспоминать – не одно и то же. Помнить можно и бессознательно, бессознательно же вспоминать нельзя. Помнить прошлое – значит нести его в себе как свое наследство и во всех своих чувствах и помыслах постоянно излучать его. Когда Шаляпин пел в Париже Годунова, он о России, конечно, не вспоминал. На сцене со свойственной ему осмотрительностью следил за своей игрой и за своим пением. А в паузах думал об успехе у публики и у прессы, быть может, даже и о повышении гонорара. Но все это происходило на поверхности его сознания. В глубине же своего бессознательного творчества он жил, конечно, Россией. И не вспоминая ее – он помнил ее. Потому и мы, слушая его, возвращались памятью в Московское царство.

Староэмигрантские воспоминания нечто совсем иное и даже обратное. Они не жизнь в прошлом – традиция, а

возврат настоящего в прошлое – иллюзия: реки, как известно, вспять не текут. Живя надеждою, что это чудо рано или поздно все же случится, типичные беженцы оказываются неспособными к уразумению смысла, а потому и к осмыслению своей собственной трагедии. Вместе с тоскою по своему светлому прошлому в них на чужбине быстро вырастает ненависть к новому окружению. Так незаметно подкрадывается к ним тяжелое душевное заболевание Зарубежья – ностальгия, классическим выражением которой мне представляется запись марсельского самоубийцы: «...а в Туле небо было ярче». Это яркое тульское небо одно из тех типичных эмигрантских преувеличений, которыми с первых же лет искажались почти все старобегенские воздыхания. В разговорах между собой, а в особенности с иностранцами русские дворяне-помещики инстинктивно преувеличивали число десятин в родовых имениях, а высшие чины русской армии – свою близость к петербургскому двору. Но, конечно, преувеличивали не только дворяне, но и другие сословия, даже и революционерам жандармские офицеры представлялись в сущности довольно приятными людьми.

Трудно преодолеваемая враждебность к новой эмиграции, не помнящей старой России и несущей на себе, несмотря на вражду к большевизму, все же его отпечаток, и, что еще мучительнее, постоянные нелады и размолвки с детьми, которых жизнь неудержимо сносит не только в чужую, но и в ненавистную родителям среду, – постоянные спутники ностальгии. «За русскую книгу их не засадишь, говорить между собой по-русски не заставишь, уважение к сытой, чистой, заграничной жизни в них не погасишь и, что самое главное, бессознательного презрения к нам – неустроенным, нищенствующим беженцам – не победишь. Какие же они русские, когда они России и знать не хотят; да и какие же они нам дети, когда они нас стыдятся?» Кто не слышал таких жалоб, не чувствовал их горечи? Станным образом, но такие настроения порождают иногда как будто бы невозможный для беженцев вопрос: «Да не зря ли мы бежали? Как-никак, а люди ведь и дома живут. Конечно, страдают, но знают за что и знают, что родина их слышит. А мы тут за что страдаем? Никому наши страдания не нужны и никому они не слышны. Вот уже 20 лет на одном месте живем, а все равно всем чужие. Были бы помоложе, быть может, назад бы вернулись!»

Это как раз то, что собирался сделать мой учитель-власовец. Допустимо ли такое решение, правильно ли оно? Думаю, что, говоря принципиально, т. е. не входя в рассмотрение индивидуальных обстоятельств каждого отдельного случая, на этот трудный вопрос надо отвечать утвердительно. Пребывание на чужбине оправдывается только борьбою за родину. Если бороться нет возможности, ни сил, то почему не ехать домой, если тебя земля зовет? Против такого тихого возвращенчества никто возражать не вправе.

Совсем другое дело – громкая возвращенческая проповедь советских патриотов.

Советский патриот

Советские патриоты появились и громко заговорили в Зарубежье только по окончании второй мировой войны, хотя в эмбриональном состоянии они существовали и раньше. При первых встречах с ними в Париже и Швейцарии, я недоумевал: как понять и чем объяснить, что убежденные антибольшевики вдруг начали восхвалять Сталина как спасителя родины, как ее доброго гения. Лишь после многих размышлений я понял, что вновь испеченные сталинофилы славословят Сталина за

то, что под его маршалским жезлом Советская армия разбила Гитлера, что он для них – второй Кутузов, одержавший, как и первый, блестящую победу над самим антихристом. Возражение, что если уже оперировать этим не очень односмысленным историософским образом, то можно, пожалуй, и самого Сталина причислить предтечам апокалиптического героя, их не убеждало, так как самый факт дарования Господом Богом победы Сталину над Гитлером являлся для них доказательством того, что сталинская Россия уже возвращается ко Христу и в Православную Церковь. Против таких пророчеств спорить было бы трудно и отвечать на них нечего, кроме: «Дай Бог, дай Бог, вашими бы устами да мед пить!». Но, конечно, не в религиозных пророчествах сущность и сила новоявленных советофилов, а в страстном заносчивом патриотизме: мы русские – какой восторг.

С этим восторгом связаны безоговорочное отрицание эмигрантской миссии и требования эмигрантской борьбы. Не бороться надо, по мнению «патриотов», против советского правительства, а, временно закрыв глаза на страдания родины, всеми силами поддерживать воскресшее в силе и славе всероссийское отечество против всех его внутренних и внешних врагов. Где искать корней этого пафоса? Конечно же, не в христианстве и уж никак не в православии. В идеологии советских патриотов громче всего звучат мысли Гегеля и его школы с некоторой примесью макиавеллизма. «Государство есть находящийся в вечном движении мир идей» (Адам Мюллер.), «Государство – это Бог на земле» (Гегель). Вот из чего фактически исходят советские патриоты в их проповедях и писаниях. Они в этом не очень сознаются, что и понятно: патриотам, хотя бы и советским, как-то неудобно исходить из учений германской философии. Правда, из того же Гегеля исходили и большевики, но ведь они поначалу были коммунистическими Интернационалистами, а никак не русскими патриотами.

Излюбленным средством сращения советского патриотизма со старорусским – являются размышления о том, что если окинуть пройденный большевиками путь с той высоты, с которой его видит история, то нельзя будет не признать, что история России спокон веков шла тем страдательским путем, каким ее ведут большевики. Разве при Иоанне Грозном и Петре не лилась обильно кровь и не свирепствовали пытки? Конечно, и того и другого было меньше, но ведь лишь потому, что и Россия была меньше. Если же учесть увеличение ее площади и прирост населения, то еще неизвестно, кто правил круче. Конечно, соглашаются советские патриоты, большевистская власть подавляет свободу Церкви и принуждает ее служить государству, но разве того же не делал образованнейший юрист Победоносцев? Конечно, крестьянам несладко в колхозах, но разве им было слаще в аракчеевских поселениях и под помещичьим гнетом? Никто не спорит, распадающаяся под бессильною властью Временного Правительства Россию большевики спасли страшными мерами, тяжелою рукой в ежовой рукавице, но разве было бы лучше, если бы она погибла, была бы расхищена иностранными акулами и меньшинствующими предателями? Обвинять большевиков в том, что они, как крупные политики всех времен, действовали согласно законам истории, которые никогда не совпадали с требованиями нравственности, бессмысленно и несправедливо. Фридрих Ницше знал, почему он отрицал «моралин» в истории.

Хотя и верно, как уже было отмечено, что советские патриоты, за очень немногими исключениями, прибыли

в Европу определенными врагами большевизма и лишь после войны обернулись советофилами, было бы несправедливо обвинять их в идеологическом перебежничестве. Изменились в конце концов не они, изменилась на их глазах Россия – ее облик, ее строй.

Большевики, подписавшие «похабный» брестский мир, были им ненавистны как разрушители исторической власти и государственной мощи России. Но вот те же большевики не только восстановили эту власть, но усилили и возвеличили ее. Перед Россией трепещет не только Европа, но весь мир. Не ясно ли, что ненавидеть их больше не за что, что им можно только рукоплескать?

Все это вполне последовательно, но, как мне кажется, характерно скорее для римско-германского, чем для традиционного русского патриотизма. Уже Киреевский обвинял римлян в том, что их мужской патриотизм не знает теплой любви к матери-родине, что он односторонне питается гордым ощущением величия и славы своего отечества.

Думаю, что эти слова Киреевского верно характеризуют государственный пафос советского патриотизма. Ничем иным, как этим пафосом объясняется и то, что в отличие от несчастных беженцев советские патриоты живой тоски по родине не чувствуют, что и понятно: славить и пропагандировать силу и талантливую изобретательность большевистской власти гораздо легче и удобнее в Европе, откуда не видны страдания родины, чем среди несчастного русского народа.

Борьба с советскими патриотами возможна, а потому и осмысленна, но спор с ними беспредметен. Для их счастья достаточно сознания того, что над бескрайними просторами России никогда не заходит солнце. Для нашего счастья – этого мало. Нам надо еще знать, какую жизнь освещает это никогда не заходящее солнце. Советские патриоты утешены тем, что влияние большевизма в мире растет. Мы же уповаем на то, что Бог видную ему правду хоть и не скоро, а все же скажет.

1955

ОПЫТ ИСТОРИИ

*Даниил Зубов (гимназист, Москва)***Советский Союз – путь к войне**

Сейчас наша страна празднует 60-летие Победы. Гремят оркестры, все говорят о победе над фашизмом, но немногие знают, что если бы не менее страшная коммунистическая угроза, то не было вообще этой самой страшной в истории человеконенавистнической войны. Одержимые идеей новых завоеваний и новых территорий, Сталин и Гитлер протянули друг другу руки, но дружбы не вышло: из агрессора Советский Союз превратился в жертву. 1939-40 годы стали прологом Великой отечественной войны, миллионы жертв которой, явились результатом бесчеловечной политики не только Гитлера, но и Сталина...

Идея мировой революции для уничтожения «мирового империализма» была главной целью, которую преследовал еще В.И. Ленин. Однако уже в 1920 году, после провала польской войны, в которой вожди пролетариата видели начало свержения капитализма, стало ясно, что мировую революцию можно совершать только штыками Красной армии. Конечно, в 1920 году о войне советское руководство могло лишь мечтать. Тем не менее, разрабатывались способы реконструкции РККА, правда, советские маршалы мало задумывались о том, что хозяйство после Гражданской войны полностью разрушено. Планы М. Тухачевского 1930 г. о создании «десятков тысяч танков и самолетов с красными звездами, которые двинутся по дорогам Европы», были воплощены полностью в жизнь в конце десятилетия уже после казни командарма. Действительно, по всей стране росли мощнейшие военные заводы, а за границу отправилась комиссия во главе с начальником по механизации РККА И.А. Халепским, по закупке новейших

Союзники делят Польшу. Белосток, сентябрь 1939 г. Офицеры Вермахта и командиры РККА обсуждают размещение войск вдоль демаркационной линии.

образцов техники у будущих врагов. На основе закупленных машин в СССР были созданы самые мощные в мире механизированные войска. В Европу и Америку шли русские иконы, картины и другие культурные ценности, а на полученные средства ковался меч советской империи. Когда вооруженные силы СССР добились полного военного превосходства над всеми другими державами, И.В. Сталин решил, что наступило время действовать...

Пакт Молотова - Риббентропа и раздел Европы

Первым делом Сталин попытался заключить союз с Англией и Францией, однако Польша и Румыния отказались пропускать Красную армию через свою территорию, опасаясь оккупации, а поляки даже

говорили: «...Немцы отнимут у нас свободу, а большевики душу». Сам Сталин не доверял Англии и Франции и решил пойти на союз с Гитлером, чем он надеялся достичь своей желанной цели – захватить Восточную Европу. 23 августа в Москве был подписан пакт о ненападении между СССР и Германией. Также был утвержден долгожданный для Сталина проект о разграничении сфер влияния в Восточной Европе:

«1. В случае территориально - политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств... северная граница Литвы одновременно является границей интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально- политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР бу-

дет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана... Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в полном секрете».

Два тоталитарных режима разделили Европу, началось воплощение пакта в жизнь.

На рассвете 1 сентября 1939 пушки немецкого бронепоезда Panzer Zug №3 возвестили о начале немецкого вторжения в Польшу. Несмотря на мужественное сопротивление, поляки не смогли сдержать натиск Вермахта. Посол Германии в СССР граф Шуленбург настоятельно просил Молотова начать наступление на востоке Польши. Советский Союз внял просьбам немецкого руководства, и 17 сентября Красная армия вторглась в пределы Польши, «...чтобы взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Белоруссии». Это сводило к нулю сопротивление польских войск. 22 сентября в Бресте прошел торжественный совместный парад по случаю передачи города советской стороне. Под двумя красными знаменами – со свастикой и со звездой проходили части обеих армий... Как только советские войска оккупировали Восточную Польшу, НКВД приступил к своей привычной работе: за 3,5 месяца 1939 года было арестовано 29300 человек. Всего же с 17 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г. было арестовано свыше 400 тыс. человек. Горе от новых хозяев увидело множество польских семей, проживающих в Восточной Польше.

Так два агрессора разделили Польшу. 30 сентября Молотов резюмировал: «Две великих державы Советский Союз и Германия уничтожили уродливое детище Версальского договора...»

Аннексия Прибалтики и Бессарабии.

После заключения с государствами Прибалтики договоров о взаимопомощи в Литву, Латвию и Эстонию стали входить части РККА. 14-16 июня 1940 года СССР выдвинул ультиматум правительствам всех трех стран, потребовав передать власть быстро сформированным марионеточным просоветским правительствам. 17 июня части Красной армии вторглись в Прибалтику. Посчитав сопротивление бессмысленным, правительства стран покинули свои посты. Тогда же Советский Союз предложил Румынии без сопротивления уступить ему Бессарабию, а также Северную Буковину, никогда не входившую в состав России и, между прочим, не упоминавшуюся в секретном протоколе. После недолгих переговоров Красная армия заняла названные территории.

В Прибалтике на выборах разрешалось голосовать только за коммунистов. Лауреат Нобелевской премии Чеслав Милош писал: «Голосовать приходилось, т.к. каждому избирателю в паспорт ставился штамп. Отсутствии штампа удостоверяло, что владелец паспорта – это враг народа, уклонившийся от выборов и тем самым обнаруживший свою вражескую сущность». 21 июля «парламенты» попросили принять их страны в состав СССР, а уже в августе их просьбу удовлетворили. 14 июня 1941 года началась массовая депортация и уничтожение «неблагонадежных» из всех захваченных областей. Однако далеко не все безропотно покорились своей судьбе: в Прибалтике создавались партизанские от-

ряды известные под названием «лесные братья». Насильственное вторжение, массовые репрессии против интеллигенции, духовенства и простых крестьян сделали свое дело: в 1941 году в частях, сформированных из прибалтов, солдаты, перебив комиссаров, переходили на сторону немцев...

Зимняя война

По аналогии с Прибалтикой и Бессарабией Сталин решил навязать свой режим и своему северному соседу – Финляндии – он надеялся таким образом восстановить границы бывшей Российской империи. Под предлогом того, что Финская граница проходила всего в 32 км от Ленинграда, Сталин предложил Финляндии отодвинуть границу от Ленинграда на север, а взамен отдать Финляндии часть Карелии. Финны от предложения, естественно, отказались, так как отдавая часть Карельского перешейка они теряли часть сильнейших укреплений – линии Маннергейма и прекрасные курорты у Выборга, а взамен получали неосвоенные и покрытые лесами земли. 26 ноября 1939 года Молотов заявил финскому послу, что финны обстреляли советскую часть у д. Майнила. В ответ на предложение финнов провести совместное расследование инцидента 30 ноября 1939 года Красная армия перешла финскую границу и начала военные действия. Договор о ненападении с Финляндией Сталину не помешал. Тут же заранее было сформировано просоветское правительство под началом финского коммуниста Отто Куусинена и было объявлено, что «буржуазное правительство Финляндии бежало из страны». Но не тут то было. Маленькая финская армия была прекрасно обучена, и, в отличие от прибалтов, Финны решительно встали на защиту свою независимость. Когда части РККА увязали в гранитных надолбах линии Маннергейма, финны изматывали их частыми контрударами и иногда брали в плен целые соединения. Блицкриг по-советски не получился: за 3,5 месяцев боев Красная армия потеряла 131 тыс. человек, 6 тыс. человек попали в плен. Действия СССР вызвали возмущения во всем мире. Англия и Франция пригрозили начать бомбардировку нефтепромыслов Кавказа, Швеция и Англия посылали своих добровольцев в помощь финнам. Советский Союз был исключен, как агрессор из Лиги Наций. Германия объявила нейтралитет, хотя прессе было дано задание не печатать антисоветские статьи и лозунги. Это объяснялось тем, что в секретных протоколах Финляндия была отдана в сферу влияния СССР.

После этого Сталин пошел на мир: 12 марта 1940 года был подписан договор. Финляндия уступила СССР весь Карельский перешеек и военно-морскую базу Ханко. Однако, несмотря на значительные территориальные потери, Финляндия сохранила независимость от кровавого сталинского режима. Обращаясь к финским солдатам, маршал Карл Густав Маннергейм сказал: «Более 15 тыс. из вас, кто вышел на поле боя, никогда больше не увидят снова своих очагов, а сколь многие из вас навсегда потеряли способность к труду! Но вы также нанесли врагам тяжелые удары, и если 200 тысяч из них лежат в снежных сугробах и смотрят невидящими глазами в наше хмурое небо, – то в том нет нашей вины». Хотя слова маршала содержат и некоторую статистическую неточность – потери финнов были больше, Красной армии – меньше, суть они отражают верно.

Военно-экономическое сотрудничество СССР и Германии

В начале 1930-х гг. особенно быстро развивалось военное и экономическое сотрудничество двух стран: на полигоне под Казанью обучались кадры бронетанковых сил рейхсвера, а под Липецком кадры Люфтваффе. Сталин тогда не догадывался, что потом все эти силы повернутся потом против него. Уже после заключения пакта Молотова-Риббентропа советское руководство дало согласие на использование Кригсмарине, военно-морской базы в Мурманске. Так 18 сентября 1939 там укрывалось от британского флота 18 немецких судов. Корабли других стран, также находившиеся в порту, перед выходом в кораблей Кригсмарине в море задерживались советской стороной. Советское руководство также обращалось за помощью к немцам, например, когда речь шла о переходе турбоэлектрохода «Иосиф Сталин» через Кильский канал из Нидерландов в Ленинград. Немцы даже были готовы продать чертежи линкора «Бисмарк» советской стороне, однако Гитлер согласия на это не дал, но в 1940 г. СССР и Германия заключили соглашение о продаже Советскому Союзу тяжелого крейсера «Лютцов».

52% от общего экспорта СССР было направлено в Германию. Несмотря на то, что вся страна голодала, днём и ночью в Германию тянулись составы с зерном и топливом, которые выручали воюющую во Франции, а потом в Норвегии, на Балканах и в Северной Африке германскую армию, имевшую большой дефицит горючего и продовольствия. СССР в основном заказывал военную технику, связанную с военно-морским флотом и авиацией. Вряд ли Сталин тогда не думал, что все бронетанковые и авиационные силы Вермахта, подготовленные на Советских полигонах, могут повернуться против него, а горючее будет немцами использовано в кампании против СССР. Думал, наверно, но надеялся перехитрить нацистского друга.

Быстрая развязка

Дружба СССР и Германии породила массу проблем. В основном они были связаны с растущими аппетитами Сталина. Вождь уже без всякого секретного протокола намечал захват всё новых и новых земель. СССР претендовал на контроль над Турцией и проливами и начал переговоры с Гитлером о передачи ему этого региона. Гитлер пытался переключить внимание Советов на Ирак, Индию и Иран, но Сталин, не отказываясь от тёплых морей, продолжал настаивать на советском присутствии на Босфоре и Дарданеллах. Ответом Сталину был подписанный в декабре 1940 года Гитлером план «Барбаросса», и после победы на Балканах в апреле 1941 г. немецкие войска стали перебрасываться к границам СССР.

Сталин также готовил нападение на Германию. Еще 27 февраля 1940 года в качестве вероятного противника для РККА и РККФ им были названы Германия и ее союзники. А 6 мая Сталин, в дни подготовки немецкого наступления на западе, в близком кругу произнес тост: «Воевать с Англией и Америкой мы не будем... Воевать мы будем с Германией! Англия и Америка будут нашими союзниками!» Вероятно, вождь планировал ударить в спину Вермахту, который должен был застрять во Франции, на линии Мажино. Однако немцы взяли Францию за две недели и планы Сталина сорвались. Но военная операция против Германии продолжала планироваться и после капитуляции Франции. Главным направлением считали

юго-западное, на котором планировали нанести удар на Венгрию, Чехословакию и Южную Польшу. Началось стратегическое развертывание советских войск на западных границах. Из Финляндии перебрасывались войска, а силы Украинского и Белорусского особых округов были приведены в повышенную боеготовность. План удара был разработан еще в мае 1941 года. Согласно ему, главный удар Юго-западного фронта был намечен в направлении на Краков и Катовице, где 152 советские дивизии должны были разбить 100 дивизий Вермахта. Однако главные силы немцев были расположены не на Юге, а в центре, на юге же было не 100, а только 38 дивизий. Тем не менее, замначштаба РККА Н.Ф. Ватугин отдал по войскам директиву: «Наступление начать 12 июня». Но накопление сил и средств Совету провести не успели, и наступление перенесли на июль. К 22 июня соотношение сил было следующим: у немцев на восточном фронте было 2 тыс. самолетов и 3 680 танков. Красная армия имела 12,8 тыс. танков (одним количеством новейших Т-34 и КВ, которых было 1475 машин, можно было разгромить всю немецкую танковую группировку). Авиация Советского союза насчитывала 10 743 боевых самолета.

Сталин до последнего момента не верил, что Германия «осмелится» напасть первой, а Л.П. Берия 21 июня писал ему: «Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который...бомбардирует меня «дезами» о якобы готовящемся нападении Гитлера на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра..., радировал генерал-майор В.И. Туников... Этот тупой генерал утверждает, что три группы армии Вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на свою берлинскую агентуру. Он нагло требует, чтобы мы снабдили этих врунов рацией... Генерал-лейтенант Ф.И. Голиков жалуется на Деканозова и своего подполковника Новобранца, который тоже врёт, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!...»

Эпилог

...Ранним воскресным утром 22 июня 1941 года в 3.15 немецкие войска перешли границу СССР. Ввиду готовившегося советского броска в Европу на всей протяженности границы была снята даже колючая проволока. Но, несмотря на неожиданность, многие погранзаставы ответили достойно. Немецкий генерал-полковник Франц Гальдер писал: «...Русские всюду сражаются до последнего человека... были случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен». Тем не менее, в плен попало около 3 млн. человек, и многие из них сдались добровольно. Сыграли свою роль массовые убийства и аресты в течение всех 1930-х годов, порабощение крестьян коллективизацией, искусственный голод 1932-33 годов, закрытие церквей, уничтожение духовенства. Советская армия и народ не хотели защищать преступный режим, утопивший страну в крови. К немцам поначалу относились как к освободителям, но постепенно народ понял, что Гитлер не многим лучше Сталина... И только тогда, во время ноябрьских боев под Москвой, а то и в 1942 - 1943 годах, для большинства русских людей война из сталинской большевицкой авантюры стала превращаться действительно в Великую Отечественную.

Русские за границей

Русские за границей. Кто эти люди, как они относятся к своей Родине, что думают о России (издалека многое ведь становится виднее), думают ли вообще о родной стороне, как сохраняют и сохраняют ли вообще русскую культуру в Европе?

Снова и снова русские приезжают в Европу. Это категория в основном молодых людей, прибывающих для учебы, работы, исследовательской деятельности или тех, кто вышел замуж или женился. Многие из них – это люди, не смирившиеся с теперешней сложной ситуацией в России. «В России беспокойно, люди невежливые, нетолерантные», – говорит русская студентка Мюнхенского университета. Цель многих из студентов – естественно, поучиться за границей, пожить здесь и остаться ради материального благосостояния и государственного спокойствия. «Плюс Германии в том, что всё здесь застраховано практически от всего, социально, политически, физически, морально и даже экономически. Надо просто знать свои права и уметь ими пользоваться. Чем дольше живешь в Германии, тем больше привыкаешь к немецким особенностям и со временем их просто не замечаешь», – отмечает студентка из Дюссельдорфа. В Германии, например, для них нет особых сложностей с адаптацией, они достаточно легко вписываются в немецкое общество. Приезжая сюда, они привозят с собой культуру современной России, во многом противоречивую и, к сожалению, во многом безбожную, что можно сказать и о немецкой современной культуре. Поэтому, может, часто приходится слышать: «Я поддерживаю немецкие традиции, Рождество и другие их праздники. Почему бы нет, мне нравится». На вопрос, какие русские традиции вы поддерживайте, живя за границей, большинство отмечает «Новый год, 8 марта и 23 февраля». Хотя есть люди, которые признают все же 8 марта и 23 февраля достоинством советской эпохи.

Россию считают своей Родиной, так как там родились, там остались родственники, друзья, и, как правило, по этому скучают. Был и такой ответ: «О России я думаю постоянно. Скучала и скучаю по нашей карельской природе, по моей маме, по друзьям и знакомым, по нашим песням...» Часто говорят, что Родину легче любить издалека. Так это объясняет сотрудник голландского университета: «На расстоянии Родину любить легче. Есть возможность просто любить ее, избегая ответных актов любви, которые там, в России, Родина осуществляет при помощи государства, тькая чаще всего не туда, куда хотелось бы. Это, я думаю, основной тип любви, которой постоянные эмигранты или временные, мечтающие стать постоянными, любят Россию». Многие отмечают, что не хватает чего-то, что сдруживает людей, русских и западно-европейцев. Для русских сложно найти друзей в их понимании среди немцев, голландцев. В основном они сдруживаются с такими же русскими либо с людьми из бывших стран СНГ. Вернее сказать они общаются, конечно, с западно-европейцами, учатся здесь, работают, но не считают их друзьями. Может быть понимание дружбы у нас разное? «Друзей-немцев у меня нет», – очень частый от-

вет. Не хочу делать поспешных выводов, но что-то, наверное, отличает наше чувство дружбы от их. У нас говорят: «Сам погибай, а друга из беды выручай». Хочется думать, что в этом проявляется то, что живут в нас еще заповеди Христовы. Только мы забыли, откуда они. Некоторые списывают это на счет СССР: «...Во время СССР была создана новая общность – советский народ – с глубоким пониманием и уважением к культуре каждой народности. Встречая за границей людей, имеющих украинские, белорусские паспорта и гражданство других стран СНГ, я практически не чувствую культурного барьера. Россия – моя Родина, потому что она старается выступать политическим приемником Советского Союза и потому что у меня российское гражданство», – говорит ученый-физик голландского университета.

Нет, нам нужно оглянуться назад. Ведь последние 1917 года мы переживаем сейчас. И это нам помогает понять русские эмигранты еще первой волны. Живут они отдельной закрытой диаспорой, соблюдая старые русские традиции, основывающиеся на православной вере. Всем известно, что русская дореволюционная культура – это культура во многом религиозная, православная. И им удалось сохранить этот островок старой России, например, в Германии. Об этих людях нельзя сказать: «Иваны, не помнящие родства». Родина для русских эмигрантов осталась такой, какой она была до советского времени, именно со всеми ее традициями. Они сохранили русский язык, семейные обычаи, а в чужой стране это очень нелегко. Но привязать Родину к географической точке «Россия», где потеряны эти традиционные ценности, уже невозможно. Для них осталась только духовная Россия. «Моя Родина – это православная церковь, мне все равно где». Еще отмечают: «Я не русский, я не немец, у меня русские корни». Церковь, а не западная культура помогла им духовно не упасть и сохранить наши традиции. Помните, как у наших классиков описаны принципы, на которых основывалась жизнь русского дворянства. Ведь именно русское дворянство уехало тогда из страны. Здесь на Западе за это не сажают в тюрьмы. Современным русским трудно представить, что так еще можно жить. Например, в Германии они также учатся, работают, но живут духовной жизнью, центром которой является православная церковь. Нужно отметить, что таких людей немного. Русское дворянство, затем цвет русской интеллигенции, ученые... Не заставляя ли это задуматься, почему самые интеллигентные, образованные и одаренные люди уезжают из страны? Это происходит из-за отсутствия духовного спокойствия. Воровство, затмевающая все страсть к деньгам, криминал, коррупция и все наши несчастья – признаки безбожия. Господи, сколько преступлений было совершено во время СССР. Все мы виноваты, виноваты, что детей так своих воспитали, и что теперь они продолжают преступать закон Божий. Нет, нам нужно оглянуться назад, раскаяться. И слава Богу, что есть, в отличие от Запада, на что опереться. Мы еще и не понимаем, каким духовным богатством мы обладаем.

О пафосе, статистике и вере...

22 февраля 2005. Алла – Лене.

(Лена переслала письмо редколлегии и авторам журнала «МЫ ...»)

Лена, я давно хотела написать тебе про Журнальчик. Если интересно, читай, жаль, скажу я мало лестного, зато искренне. Я начала читать естественно по порядку, поэтому первым делом прочла обращение от редакции. Честно, я не знала, плакать или смеяться. Сплошной оголтелый пафос! А пафос меня бесит, очень бесит! Я понимаю, что некто (кто писал статью) старался, я уважаю его точку зрения, я понимаю, как нелегко писать, но трудно было мне вынести этот кричащий пафос.

А потом я прочла это: “всякая идеализация прошлого и настоящего – путь, гибельный для любого общества”. Да уж. Ведь эта статья по сути идеализация, поскольку идеализирует несколько вещей, то есть упрощает их, одновременно представляя эти вещи в особом свете (точнее однобоко освещая только одну сторону) и наделяя качествами, соответствующими некому воображаемому образу.

Во-первых, советский режим. Впечатление, что для него выбран небезызвестный образ империи зла. А вот и его качественные характеристики: он представляется игом, навязывающим ложь, его время называется страшным временем. (Я тоже не фанатка власти Советов, но тот факт, что советский режим опять заклемили, не радует).

Во-вторых, вот это: “все больше людей идет в храмы, все уверенней и радостней звучат по России колокола церквей”. Это еще более вопиющая идеализация. Я такого не вижу ни в повседневной жизни, ни в статистике (сейчас ее приведу).

Только лишь СМИ горланят, какие у нас все верующие, и транслируют богослужения, а научные данные другие. Такое еще можно было сказать про 90-ые годы, когда народ ринулся в ранее запрещенные церкви. Но то было 10 лет назад, ажиотаж уже улегся. Это я говорю исходя из данных статистики, не сама придумала. А сейчас вообще % атеистов растет, ок. 40% населения неправославные. Если говорить о посещении храмов, то в Москве, например активно посещает храмы только ок. 0,2 % жителей. Это я не так давно прочитала, цифра получилась путем подсчета количества прихожан в праздники в церкви, которых, там сказано, в Мск ок. 300 человек.

Да, с одной стороны, я согласна, колокола еще как звонят, так как идет активнейшее строительство – у РПЦ куча денег на все это, но радостные заявления о том, что народ идет в церковь под эти колокола, освободившись от ига, и стремится к свету истинной христианской веры, выглядят мало обоснованными.

И еще, я понимаю, что всегда легко критиковать чей-то труд, как это сделала я, чем действительно что-то сделать. Но честно скажу, после прочтения обращения у меня не осталось желания читать журнал дальше.

Но что делать, решила я читать дальше.

Во взбешенном состоянии все остальное я восприняла, конечно, негативно. Статья про революцию оказалась мне бредом, в частности, потому что меня очень на-

стораживают предложения, в которых утверждается, что из сложной ситуации возможен один и только один выход. Так не бывает – проблема всегда многосторонняя, и при объективном анализе возникает несколько альтернатив, а если предлагается что-то одно, значит это не объективно. В данном случае это предложение обратиться к Богу, и только в этом случае по словам автора наше общество вернется на путь правды.

Вот собственно и все. На этой мысли я журнальчик отложила, с тем чтобы продолжить чтение в более уравновешенном состоянии, но пока до этого не дошло. Если что, никого не хотела обидеть своими словами.

22 февраля 2005. Володя – Алле.

Да, весьма интересная точка зрения ... Ну, по поводу того, что у первого номера журнала есть недостатки – никто и не спорит, другого ждать было бы странно.

Козыряние статистикой по Православию не делает чести автору отзыва – только показывает некомпетентность и неумение делать объективные выводы из данных статистики. Только прошу Аллу, не надо хвататься за сборник Госкомстата и с пеной у рта доказывать свою точку зрения :-). Просто лучше прийти в большой праздник в любой храм и помолиться о нашей стране вместе со всеми.

И вообще, если человека что-то «бесит» (слово-то какое страшное), то, может, стоит поприспальнее взглянуть внутрь самой себя?

А Церковь возрождается. И это – тенденция, как бы кому не казалось.

P.S. Монастырей, храмов и часовен в Москве более 650 – данные Московской Патриархии.

16 марта 2005. Алла – Володе.

Здравствуй, Володя!

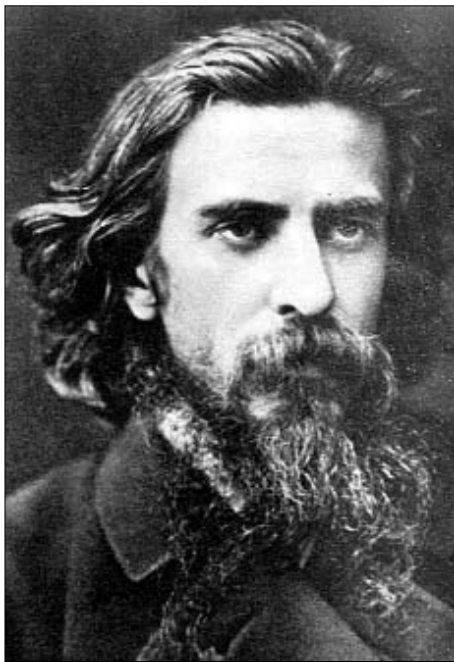
Решила ответить прямо тебе (надеюсь, к тебе можно сразу на ты обращаться, если это не так, извиняй).

Володя, без всякой иронии и от всего сердца говорю тебе: спасибо за твое письмо. Оно мне понравилось, потому что говоришь ты очень прямо и как-то честно. Я это ОЧЕНЬ ценю. Я всегда тоже говорю правду, говорю так, как мне кажется. Что и выражалось в моем предыдущем письме. Объективности ради хочу заметить, что в том письме я и не собиралась ничего доказывать, ничем не собиралась козырять и т.п. Я говорила лично со своей подружкой Леной о своем настроении и своем субъективном отношении. Я не претендовала даже на малейший объективный анализ (о чем сама и предупредила).

Кроме того, спасибо тебе за совет, хотя он и непрошенный. Время покажет его ценность применительно к моей ситуации. Кстати, у меня тоже возникло мимолетное желание отписать парочку советов да покритиковать логику, но не люблю давать этих самых непрошенных советов. Если вдруг понадобится, обращайся:)).

С любовью и уважением,
Алла.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

EX ORIENTE LUX

«С Востока свет, с Востока силы!»
И, к вседержительству готов,
Ирана царь под Фермопилы
Нагнал стада своих рабов.

Но не напрасно Прометея
Небесный дар Элладе дан.
Толпы рабов бегут, бледнея,
Пред горстью доблестных граждан.

И кто ж до Инда и до Ганга
Стезю славную прошел?
То македонская фаланга,
То Рима царственный орел.

И силой разума и права -
Всечеловеческих начал -
Воздвиглась Запада держава,
И миру Рим единство дал.

Чего ж еще недоставало?
Зачем весь мир опять в крови?
- Душа вселенной тосковала
О духе веры и любви!

И слово вещее не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.

И, разливаясь широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший из Востока,
С Востоком Запад примирил.

О, Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса или Христа?

Содержание номера:

	Стр.
<i>От редакции</i>	2
<i>Л. Пасякина</i> Лишенец, солдат, священник	3
<i>У. Артёмова</i> Путь в безысходность ..	6
<i>В. Еременок</i> Они живы, пока мы о них помним	8
<i>Н. Бобринский</i> Трагедия победы ...	10
<i>В. Артёмова</i> Белая роза	12
<i>В. Зайцев</i> Национальная идея и возрождение России	14
Святая земля на окраине Москвы ...	15
<i>Ф. Степун</i> Родина, отечество и чужбина	18
<i>Д. Зубов</i> Советский Союз – путь к войне	23
<i>А. Маслова</i> Русские за границей ...	26
О пафосе, статистике и вере	27
<i>Владимир Соловьёв</i> Ex oriente lux ...	28

ПОДПИСКА

Дорогие друзья! Вы можете подписаться на журнал “Мы в России и Зарубежье” на 2005 год (6 выпусков):

- непосредственно в редакции

- переслав деньги почтовым переводом на адрес:

127051, Москва, ул. Петровка, 26/2-96,
НП Содружество «Посев»
(для журнала «МЫ»).

- через Сбербанк РФ по образцу:

наименование получателя платежа:

НП Содружество «Посев»

ИНН получателя платежа: 7707278451 КПП 770701001

номер счета получателя платежа: 40703810938320100415

наименование банка и банковские реквизиты: Сбербанк
России г. Москва Марьиноорошское ОСБ 7981

к. сч. 3010181040000000225 БИК: 044525225 ОКАТО

1145286585 наим. платежа: «МЫ» – 2005 г.

(Не забудьте указать **ФАМИЛИЮ, ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС** и **АДРЕС** на обратной стороне квитанции).

Цена подписки в России и СНГ - 100 рублей

- Читателей в Европе просим переводить деньги почтой на адрес Postbank Frankfurt 33461-608 (BLZ 500 100 60).

Наименование платежа М1.

Цена подписки в Европе 18 евро.

- Читателей в США просим высылать чеки по адресу:

Alexander Butkevich

Russian Research Foundation

21 Fairview Drive

East Hanover, N.J. 07936-3506

Цена подписки в США - 20 долларов

Просим одновременно извещать редакцию по почтовому или электронному адресу.